

Журнал «Рец»

№ 55

февраль 2009

**Выпускающий редактор:
Павел Гольдин**

Алексей Цветков – Алексей Цветков (автопереводы).....	3/9
Григорий Дашевский – Ника Скандиака.....	13/15
Илья Кукулин – Андрей Родионов.....	19/23
Дмитрий Строчев – Петя Птах.....	29/34
Владимир Богомяков – Валерий Нугатов.....	40/45
Александр Дельфинов – Павел Жагун.....	51/54
Александр Журов – Алексей Порвин.....	59/60
Евгения Сулова – Тимофей Дунченко.....	62/70
Пауль Целан в переводе Алексея Цветкова.....	77
Роберт Вальзер в переводах Анны Глазовой.....	79
Норберт Ланге в переводах Дмитрия Кузьмина.....	83
Пер Вестберг в переводах Алексея Прокопьева.....	85

элегия не без аллегии

ударил экскаваторный черпак
вмиг многолюдно с непривычки в луже
там жил на берегу один червяк
теперь их стало два и это хуже

откроем правду он гермафродит
ну то есть чтоб ни деверя ни зятя
бывало в тыл себе же поглядит
а там другой зовут допустим катя

или наоборот он был двупол
я в ихней зоологии не дока
кто за двоих работает как вол
тот и в любви не соблюдает срока

порой чем бог перекусив в земле
набравшись романтического пыла
они встречались с катей на заре
и разное тогда меж ними было

теперь они друг другу не семья
а были ведь как в капле две кровинки
вот так и нас разлучница-судьба
на трепетные режет половинки

кто состоял из двух материй встарь
наутро вдруг продукт утраты горькой
он червь еще но он совсем не царь
не генрих грубый с римскою восьмеркой

так человек заходит в туалет
внезапный болт под диафрагмой крутит
вдруг грохот глядь назад а кати нет
прощай любовь другой уже не будет

биполярное

в окне с малышами мамыши
авоськи с кульками крупы
мы мирные люди но наши
надбровные дуги круты

ты помнишь как явь наступила
завоз долгожданного пива
запой до заречной весны
в три вахты накатами пота
пока вдоль аллеи почета
рабочие лица честны
зазнобу с цигейкой на вате
в кино сорок первый патрон
и мы не рабы на плакате
а кто мы такие пардон
до выписки самой до срока
руин новогодним огнем
в испарине конусы сока
соседний светил гастроном

мы вышли из прежней икая
и в лучшую вечность вошли
так вот она значит какая
о чем рассуждали вожди
расправила члены стальные
страна отмыкая браслет
стакан бы сюда ностальгии
но тара пуста на просвет
приют на конечной трамвая
где двести на грудь принимая
томатного люди равны
добры санитары в палате
они нам опять на плакате
напишут что мы не рабы

Алексей Цветков
(автопереводы)

Алексей Цветков

то не ветер

мы маленькие мы каждый лежим в постели
стрижены под ноль на висках синие жилки
мне дали книжку и я читаю про степи
и леса которых в глаза не видел в жизни
люся спящая слева помнит что ходила
в ясли но смысл воспоминания неясен
как ни описывает все темна картина
не могу себе представить никаких ясель
мы больны но ничего не знаем об этом
потому что болели всегда сколько были
многие взрослые добры кормят обедом
взрослые для того чтобы детей кормили

после тихого часа делают уколы
приходит важный заводчеления в маске
справа дурно пахнет оказалось у коли
открылись пролежни и он на перевязке
коля когда ходячий важничал и дулся
видел жука и лошадь говорит большая
как слон но после операции вернулся
в гипсе и как мы с люсей молчит не мешая
в книжке пишут про партизана уверяют
что сражен фашистской пулей книжка похожа
на правду одно хорошо что умирают
взрослые а дети знай себе живут лежа

в день когда умер сталин нас носили мыться
плачут а все же моют банный день в палате
люся на топчане как на тарелке птица
ни косы никогда не носила ни платья
пока мы так лежим с ней рядом в голом виде
нас намыливают а санитарка верка
поет про то не ветер ветку поднимите
руку кто не забыл на языке вкус ветра

помню играли резиновыми ежами
почему именно ежами этот день я
запомнил поскольку сталин и мы лежали
в мыле дети эдема в день грехопаденья

пес на песке невысок как с реверса в трубу
тучи отчетливы плавленным оловом в форму
чуткие чайки сбиваются к ночи в гурьбу
к шторму

мнимый сеанс если фэйсом к буфету в фойе
самый в уме маринист айвазовского толка
скоро с порога мороз и орехи в фольге
елка

в памяти ветер которым до ребер продут
властвует налысо липы ноябрьские брея
пса позови на ночлег даже если продукт
бреда

буря притворна из воздуха выпущен газ
след в канители где елка погасшая стыла
елка была наяву это знание в нас
сила

с детством в прощальной коробке собой невесом
сквозь паутину куда ни пощада ни почта
полуисчезнувший с несуществующим псом
точка

домой дороги нет

плохо он присмотрелся этот ваш еврейский профессор
там поперек каждой из четырех осей очень четко швы
ну не иглой конечно а в высшем смысле эфирно
я-то сам не сильно в формулах поясню как сумею

у вас допустим теперь кризис долговые обязательства
ничем не покрыты и деньги оказались фикцией
тут я немного понимаю ситуации бывали
вот и здесь как бы брали в долг под залог
сам залог не объясню в языке для этого нет слова
и не бумагой вот этими измерениями брали
три пространство одно время как лот под застройку
а потом кварки нейтроны гелий туманности все как надо
ну и мы продукт эволюции только не мы как таковые
другое местоимение посередине между мы и они

погоди еще не закрывают а дальше совсем просто
залог в результате лопнул и все изымают за неуплату
изымают если понятно сам этот убыточный лот
только мы то есть они уже внутри и больше нигде
нет не люди как вы себе льстите совсем другие
опять не найду слова или пожалуй библиотеки
попробуй посуществуй за пределами неопределенности
обивали как могли пороги представили план преодоления
ведь и просили всего-ничего убогих два-три триллиона
световых лет в кубе и дважды переточенную вечность
посоветались и отказали

теперь прикинь как из мира удаляют сектор реальности
причем тут лазерные пушки скажи еще водяные пистолеты
смонтировали черную дыру и все мигом втянуло
закоротили вероятность только время взвизгнуло на излете
не звук а посередине между звуком и [нрзб]

 Алексей Цветков
(автопереводы)

Алексей Цветков

хорошо последняя я разумеется не существую
 в вашем смысле и никогда не существовал
 потому что в остановленном времени нет прошлого
 и дороги ни в какую сторону пространство свернули
 но иногда брежу что существую сегодня особенно остро
 и будь у тебя не глаза а вот эти не могу объяснить
 видишь шов по вырезанному месту здесь прямо над стойкой
 и другие которые остались не от нас не от нас не от нас
 а ты мне все кризис впрочем ты даже и не еврей
 гя ахфф стуыы оугггг как же он мне опостылил
 этот ваш человеческий якобы язык
 то есть не мне а им то есть вам

в окрестном лесопарке ни души
 где с такой встарь таскался
 там наверху они уже ушли
 к столу а ты остался

нет никому обители теней
 чей срок под солнцем прожит
 неправда что становится темней
 темней уже не может

свод в стеганом атласе голубом
 чертог большой ночевки
 но купол впредь полпяди надо лбом
 а челюсть на бечевке

не сорок лет а насовсем синай
 скрижаль пуста приказ на
 все времена скитаясь вспоминая
 что жизнь была прекрасна

вариация на тему энигмы

вот лествица вот колесо с глазами
 докатится поди и до казани
 до спасских звезд резва звезда полей
 сперва в ступицу маслица подлей

кого кругом про местность ни спроси я
 у них на все один ответ россия
 край говорят победы и труда
 согласен факт а лествица куда

а лествица премудрое устройство
 для телеграфной эстафеты душ
 чтоб трибуналу меньше беспокойства
 чуть приговор и глядь исполнен уж

там сверху бог в ермолке лучезарной
 диспетчер солнц и машинист луны
 устроит медосмотр перед казармой
 кто русский в рай а кто еврей увы

Алексей Цветков
(автопереводы)

Алексей Цветков

но колесо глазастое со смыслом
свистит себе все бег считает числам
обкатит по обхвату тридцать раз
иссякнет в недрах веселящий газ
под трубный глас долинами валдая
на суд скелеты побредут рыдая
за призрачным с державой вожаком
ржавеет вентиль лед в проломе комом
звезда пустых полей над отчим домом
и аисты в гараж порожняком

на кольце где последняя самка трамвая
случки ждет электричеством в ночь остывая
провидение прогнуто в форме седла
там вожатый в оскал соискателя пойман
чей чугунный искря эрегирует орган
отвернемся пока возникает семья

в декабре у судьбы искривляется форма
в смысле жертвы саженьями снежного шторма
продвиженья предместий в пургу на аршин
в непосильном за скрежет либидо ответе
чернобурые плачут звериные дети
и на рельсах железные дети машин

но останется сколько в бетон ни возьмете
после злых машинистов и шпал в креозоте
тишина обведенная в мае огнем
электричество сердца спасенное в громе
и земля меж опорами радуги кроме
метров двух на один остальную вернем

мельница

ветер ветлы треплет вода в горсти прохладна
знойно в полдень у быстрой реки с утра росно
там один от любви утонул ну и ладно
не его беда первая горевать поздно
не его последняя утешаться нечем
говорят из вечных ключей течет-струится
мельница брошена черны окна под вечер
а все вертится колесо скрипит ступица
скрипнет раз и на свете живой душой меньше
выйдешь к мельнице не уйдешь вернешься
к ней же

жутко да любовь сильнее тут к повернигоду
сходятся девицы как страда отлегают
пляши себе жги костры лишь не гляди в воду
кому припрет замуж утопший помогает
а глянешь в реку не девичий лик увидишь
сверкнет радуга сквозь столбы водяной пыли
позади город узорчат весь в башнях китеж
там он и князь над всеми кого не любили
так говорят поди знай что на самом деле
в камышах колесо вертится еле-еле

и кто глянет в бездну та ему и невеста
среди немолчной воды на зеленом ложе
а поутру проснется нет такого места
стоит мельница пуста и жизнь вокруг тоже
а в прошлой ушедшие пропавшей не помнят
никому не расскажут никто и не спросит
зачем трава почернела где платок поднят
кто любил забудет кто за кем ходил бросит
насытится ненависть а любовь не прощает
знай течет бесконечно колесо вращает

хорошая новость

на краю плато над полями полбы и проса
сядь и прочесывай оком с откоса
там возвращаются наши с войны
некоторые из них больны

те кому отрубили руку умрут
или умерли те кому голову тоже
те кого опрокинули с берега в пруд
лежат в поврежденной копьями коже
на дне в дурной предутробный мрак
погружены теперь с них любую лепту
по желанию терпеливо взымает рак
как ножом с подземного клубня ленту
женщины пока живых ожидало село
но те что остались живы хуже всего

снаружи целы но телами крушат заборы
огибая воздух как шатуны по весне
женщины знают что многие нездоровы
если случится утро проснутся не все
или все не проснутся зачем им сверху
в человечесем обличье черный огонь войны
ты земле отказал чтобы верить ветру
ты помнишь павших а эти уже не твои
на пиру из полбы и клубней посреди ли
просяного поля у падали все права

сперва хорошая новость мы победили
а потом плохая угадай врага

синий кобальт желтый хром
горький город за бугром
рай припадочный ван гога
мертвой радуги каркас
у последнего вагона
счетчик щелкает как раз

летом сумерки прохладны
полдни зимние теплы
от полыни до лаванды
плоть исподняя стены

синий кобальт желтый хром
мир в котором все умрем
труп лавандой убирая
роной матерью рекой
нет у них другого рая
соглашайся на такой

любоваться мертвым ухом
положив на полотно
как оно пунцовым пухом
вдоль ущелий поросло

Алексей
Цветков

Алексей Цветков (автопереводы с английского)

на пределе памяти

не в том беда что он покинул нас
семнадцать с чем-то лет тому назад
пожертвовав чужой какой-то жизни
оторванные от своей другому
нежданный дар который он не вправе
дарить а мы принять семнадцать горьких
лет миновавших сами по себе

постойте я скажу вам в чем беда
пора непрожитая им уже
столь велика что невозможно верить
всей этой памяти в чьих клетках меркнет
минувшее оно не существует
вне нас а что внутри нас это наше
там места нет для прошлого других
ведь мы не боги блядские опомнись
он лучше бы смотрел на светофор

как вспомнишь всех кого на свете нет
он в их толпе пропал она все гуще
теперь он вправду мертв вот в чем беда

как беспечальны боги в синем стане
им даже незачем существовать
и отличать от желтого зеленый
вдруг вспоминаешь он же был дальтоник
к чертям богов проблема мы одни
стоящие на мостовой январской
чужую жизнь в объятиях держа

жизнь в банке

вот снова кардинал нырнул в стекло
упорствуя и как же будет жаль
прелестной жизни если оборвется
он здесь другой простор подозревает
препятствие ему не по уму
и этот цвет его кровавый странен
мой собственный навыворот с изнанки
проверю истинность предположенья
когда он треснет надвое в броске
но пятна на стекле не от него
я их могу легко стереть отсюда

мне кажется я думаю о нем
ведь он самец хотя причем тут это
как о воздухоплавательной рыбе
я водолаз в кишасщем море птиц
предмет их яростного любопытства
за перепонкой обитатель банки
что справедливо и с обратным знаком
но внявши опыту сию как пень
не помышляя о тщете полета
влетев в стекло я вызубрил урок
и мыслю о себе как о простом
неверном очевидце всех вещей
и хроникере ни одной из них

лишь алый вихрь самопознания бьется
без устали с той стороны стекла

Алексей
Цветков

Алексей Цветков (автопереводы с английского)

пункт назначения

i

ты приезжаешь в город где проведешь
остаток жизни лужайки пожухли
от заморозков листья платанов съежились
вид с церковного паркинга предлагает вниманию
кусты гортензии еще в цвету и кишасщие
бурундуками звукоряд оккупирован
сойками витражи стрельчатых окон
мерцают от гимна распеваемого толпой внутри
небо которое они умоляют водянисто и низко
а до озера с любого места подать рукой

ii

ты выбрал его наугад механически отсчитал
семь съездов от последней остановки не желая
отличать один хиксвилль от другого ты искал
места свалить наземь бремя а здесь стоит
башня здания суда заметная издалека
с часами чьи застывшие стрелки
почти касаются полуночи не уточняя
дня и года должно быть конец семидесятых
судя по сталелитейному заводу в руинах фактически
рыбьему скелету существования как такового

iii

уж коли об этом речь помнишь рыбный рынок
миль шестьдесят тому где у тебя на глазах
ловкий рыболов потроша окуня извлек
из его внутренностей латунное кольцо
ты не бросал его в озеро и не мог оказаться
адресатом или возможно рыбак был
недоучкой античности с его замшелой шуткой
или это был его шибболет чтобы отличать
местных от проезжих с их гарвардскими дипломами
чтобы воспользоваться их финансовой ситуацией

Алексей
Цветков

Алексей Цветков (автопереводы с английского)

iv

между прочим похоже никто из местных
не спешит поприветствовать нового поселенца
кроме вероятных мерцателей витражей
местные играют в сценарии важную роль
каждого из них ты тайно наделишь именем
кого-нибудь из любимых или однажды встреченных
было семь съездов но вот истинный найден
что касается врача с этим можно повременить
он найдется со временем но приговор
непререкаем и все же жизнь была вспышкой счастья

v

здесь под небом не дающим ответа
на почве сочащей ржавчину ты поселишься
в съемной хибаре крыльцом на озеро
не обязательно безмятежное оно тебе ничего
не должно как и небо пусть просто пространство воды
и часы на башне у периметра времени
будут немо звенеть пока местные снуют
туда-сюда не ведая своих тайных имен
и ты будешь улыбаться на крыльце с мертвым ноутбуком
печатая вслепую жизньбылавспышкойсчастьяжизньбыла

Алексей
Цветков

Алексей Цветков (автопереводы с английского)

заснеженный звездами

путешественник возможно в вайоминге
 колесит себе с приближением ночи
 как вдруг хрясь в машину щелкает метеорит
 эта мелкая дрянь пробивает капот навывлет
 теперь он застрял на пустынном шоссе
 проклиная такой рекорд лихой удачи
 а звезды так и сыплются вокруг

поскольку август шансов чуть побольше
 но ненамного и ему бы лучше
 применить эту фортуны в индейском казино
 до которого недотянул лишь несколько миль
 судьба цепь упущенных невероятностей
 а ночь грозовая туча проливающая звезды
 на невезучих и везучих без разбора

он угрюмо уверен что угодит
 в газетенку графства или станет предметом
 острот у водополя с охлаждением
 оно таки охлаждается и без водополя
 звездная метель гуще и он тверже звенит
 о небо обложенное акцизом тающего лета
 что за редкий и несообразный способ конца
 это вайоминг если кто понимает о чем я

что за разница напоследок молния
 или лотерея для избранных и благословенных
 кого углядели боги на мгновение восстав
 из своей вечности недоумков
 звезды текут словно снег у его ледяных колен
 возможно уже даже и не в вайоминге

Григорий Дашевский

Ника
Скандиака

[12/4/2007]

НИКА СКАНДИАКА

* * *

е. ф.

– Нежное какое у нас вчера –
не дотронься, не погляди.
– Щелью щель, скорее, дырой дыра:
то и вынь, что туда клади.

2000

Марсиане в застенках Генштаба
и содействуют следствию слабо
и коверкают русский язык

«Вы в мечту вековую не верьте
нет на Марсе ничто кроме смерти
мы неправда не мучайте мы»

Август 2004

* * *

Ни себя, ни людей
нету здесь, не бывает.
Заповедь озаряет
снуть, лопух, комара.

Ноет слабое пенье,
невидимка-пила:
будто пилит злодей,
а невинный страдает,
побледнев добела.

Но закон без людей
на безлюдьи сияет:
здесь ни зла, ни терпенья,
ни лица – лишь мерцает
крылышко комара.

2003

Чужого малютку баюкал
возьми говорю мое око
возьми поиграй говорю

Уснул наигравшись малютка
и сон стерегу я глубокий
и нечем увидеть зарю

Август 2004

* * *

н. с.

Собственное сердце откушу
но не перебью и не нарушу
ласковое наше шушушу
дорогие мои хорошие

Февраль 2007

Ника
Скандиака

[12/4/2007]

НИКА СКАНДИАКА

Григорий Дашевский

* * *

Март позорный рой сугробу яму
розоватых зайчиков не ешь
кости имут ледяного сраму
точно ты уже отсутствуешь

Март 2007

* * *

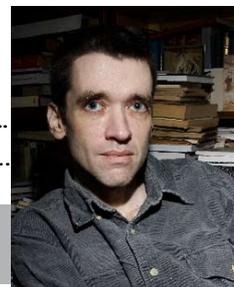
Г. Н.

Огнь живой поядающий, иже
вызываеши зуд сухость жжение
истончаеши нежные стенки,
преклони свое пламя поближе
прошепчи что я милый твой птенчик

Январь 2009

Григорий
Дашевский

Ника Скандиака

железнодорожный мост
дроздный звон

* * *

мачты-консоли
высоты мысли

* * *

мы выбегали и мы выбирали снега.

* * *

да не обезьяна, а индивид

* * *

камня еле блестящее
сознание. пинцетом ящери.

* * *

но приятно, что в заглазье/ вставлен воздуха телескоп.

* * *

выспросила; отскочил стручок выстрела ответа

* * *

булыжники
барышни

стручок решения

* * *

носитель
выстрела мелких сердец

эльдорадо
быдло

общее место
небо
бабло

Григорий
Дашевский

Ника Скандиака

***	-
-	-
растерявшийся вчерашних листьях дождь	бобр отгрыз. грустно, угрыз-таки бобер.
-	-
все растерявший	природа
-	подруга
журавлиным	урожай
утоленным	-
-	торговать
мокрыми	гортань
покорными	-
-	-
посреди	приемлемое
озера	проблемное
-	-
среди	квартира
озера	обмундирование
-	-
ощущаем	понравилась ворона
танцуем	-
-	-
ландыши	чуть не случилось
а ландшафты	-
все дышит	стареющая

Григорий
Дашевский

Ника Скандиака

-	-
шалъ	знаете, чем это вызвано?
мышь	-
-	красоты: : непорочность в начале каждого из длительных мгновений
одна чашка	-
-	извините, с чем это связано?
вещичку	-
вещичку женщину	кризисному
-	известными бизнесменами
непостижимому противоположному	попискивая
-	-
автоматическими четками	извините, в чем подоплека этого?
прочтений	-
-	общее место конопатый
уметь и делать уметь и взлететь	-
-	лесопильные слезные
листопад отпрянет	

18

Содержание

Григорий
Дашевский

Ника Скандиака

-

да не serce, a service

-

от трезвой мерзлоты

-

понедельник
рачков

-

ох
хочу

-

упал (купался)

-

границы
отпустит

-

расскажи нам об этом

Илья Кукулин

Андрей
Родионов

СЛУШАЯ И ТАНЦУЯ ПОД «БАЛКАНСКИЙ ОРКЕСТР УНИВЕРСИТЕТА ПЕНСИЛЬВАНИИ»

Наша Дрина – Мекка и Медина
такая Мекка
и такая Медина
что от вашей рубки
 между сербами и албанцами
 в 1944 – 45 годах
от той воистину *незнаменитой* (у нас) *войны*
от того столкновения
чересполосицы
и цветения и боли культур
мы до сих пор танцуем
 плачем смеемся и поем
ваши международные балканские танцы

Wedding And Funeral Orchestra, это точно.
Кроме свадеб и похорон,
слившихся в бесконечном кольце радостного и недоуменного экстаза,
больше кажется ничего нет

вы – в центре мира!

bother bother, – говорит Winnie the Pooh, –
bother
it's really No Man's Land

22.11.2008

Илья Кукулин

Андрей
Родионов

* * *

Меня всегда интересовали циклические процессы:
 месячные у женщин,
 приливы у моря,
 перепады моего настроения.

Глубоко под ними
 лежит единая ритмическая основа,
 единое движущееся,
 понять его невозможно,
 будь ты хоть самый лучший гинеколог,
 или океанолог,
 или я.

Плещет оно
 под переменными волнами ритма,
 переваливаясь с боку на бок,
 иногда доставая своими длинными, разворачивающимися лапами
 до самых глубоких впадин между волнами,
 опускающихся до неё сверху.
 Порой под течением волн
 разглядывает те меняющиеся пятнами ложбины,
 куда оно заплеснуло.

Если вслушиваться
 в любой из вышеперечисленных ритмических процессов,
 можно ощутить за ними
 очень низкий, едва различимый звук.
 Постепенно он станет заметнее,
 заполнит всё окружающее пространство,
 а потом ты уйдёшь в него целиком,
 а потом не вернёшься.

Илья Кукулин

Андрей
Родионов

* * *

...Мы ждём гостей!

О. Э. Мандельштам

...А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода...

И. Г. Эренбург

На территории Советского Союза
ни Витгенштейна мысль,
ни хладный гнев Камю
не выдержали бы такого груза,
как мы.

Ни слово, подчинившееся факту,
ни фи́га, выделенная как главный жест
не дали бы на протяжении антракта
возможности осуществить протест.

У нас тут вышло всё отдельно:
язык -- налево, жизнь -- вразброд,
а рядом в люльке колыбельной
младенец спит или орёт.

И если мы пока и существуем,
то разве в воспитании детей,
и на невысланные письма дуем,
и слушаем, как воздух буен,
и ждём гостей.

23 августа 1991

Илья Кукулин

Андрей
Родионов

* * *

Расскажите мне кредитную историю со счастливым концом,
о том, как кто-нибудь вложил деньги
и получил благодарность в срок, –
я вам не поверю, и это нам обоим будет урок
о том, что при рассказывании историй
держаться надо всегда молодцом.

Покажите плечо, под которым дрогнет стена,
рассчитайте его длину, калокагатию,
идейную наполненность, вечный покой,
а я отвечу: подобные плечи у меня всегда под рукой,
но Станислав Ежи Лец не добавил, что за этой стеной – война.

Это бедные рифмы, бедные рифмы, на которые наматываются слова,
у них плохая кредитная история, они не умеют считать до ста,
они не заполняют дыры, а, подобно хасидам,
строят что-то вроде моста,
я по нему выхожу за стену и думаю, что война чиста,
не замечая ни пролитой крови, ни отрубленных крыльев,
ни того, как раскалывается голова.

28.06.2004

Андрей Родионов

Илья
Кукулин

Красил недавно ткань на костюмы к одной пьесе,
у красильщиков, как и у всех алкоголиков,
есть определенное уважение к профессии,
тем неприятней встречать дальтоники

покрасил крепдешин на платье Гертруды,
использовал бирюзу, прямой бутылочный, жёлтый...
добился глубокого изумруда,
в рецензии написали – Гертруда была в ядовито зеленом чем-то...

может быть, автор рецензии не уловил цвета суть,
потому что еще будучи учеником восьмого класса,
на плите, на кухне кипятил ртуть,
что стало причиной того, что он ослеп на оба глаза

ведь дружно зрители актерам хлопали –
и моего труда касалась слава, хоть немного,
но ртути кипящей пузырьки лопались
в невидящих глазах театрального критика слепого

может, полюбив мучительно в двадцать лет
умную еврейскую красавицу, редкую, как панда,
автор рецензии от любви ослеп,
став в театральной критике тем, чем в музыке стиви вандер

как говорит один неглупый товарищ,
быдлу главное знать, что ему за это ничего не будет
и слепой театральный критик, как пьяный в караоке-баре
вещает посреди агонии московского строительного бума:

«В чем-то ядовито-зеленом была Гертруда»!
Нет! Это заляпанные краской
в чем-то ядовито-зеленом были красильщика руки,
а Гертруда в своем изумрудном прекрасна...

Андрей Родионов

Илья
Кукулин

а может быть, все вышесказанное – возмущение раба,
сделавшего что-то прекрасное путем собственной вздрочки,
которого по спине, где нечто вроде горба,
обожгли мимоходом кнутом ядовитой критической строчки

а ему лишь ядовитый кашель курильщика,
Этой проблемы касался Плутарх, другой неглупый парень,
Не являются предметом для подражания красильщики,
хотя все мы любим красиво покрашенные ткани.

Так ведь вот и не все! Вот некоторые – не!
некоторые дальтоники не различают хорошего цвета,
таким вдвойне и даже втройне
неприятен труд мастеров красильного цеха

Я очень люблю цвет газетный
девятиэтажных окраинных зданий
самый дальний район туалетный
самый дальний райончик спальный

кроме трех слишком добрых алкоголиков,
жизни прогуливающих школу,
остальные – в ушко угольное,
а точнее в след от укола

дома девятиэтажные,
воспетые местными рокерами, рэпперами,
словно платья винтажные,
заношенные маниако-деперами

днем тут пусто, все работают,
но можно увидеть, если приглядеться,
в пыльных бетонных боулингах
цветные воздушные шарики детства

Илья
Кукулин

Андрей Родионов

так избавились от архитектурных потех
когда еще делали вид, что любили
не удивляя разнообразием тех,
которые развивали блядство и пили

цветет здесь физалис до зимней поры,
китайские оранжевые фонарики
катятся дети с небольшой деревянной горы
когда снег покрывает растений оранжевые шарики

лифт поднимается к этажу
автобус подъезжает к остановке раз за разом
спальный район, я тебе подхожу
я такой же – монотонный и однообразен

тихая девушка из ларька
мне продает фисташки
я смотрю на девятиэтажные облака
я люблю девятиэтажки

с экрана какой-то микроб
машет ручкой, как Ленин,
это Губка Боб,
любимый герой геев и эмо

жаль, что я не сноб,
мне немного жутко
смотреть на тебя, Боб,
проклятая губка

на острие копья
тобой, впитавшим уксус
поили распятого
Иисуса

Андрей Родионов

Илья
Кукулин

закончив допрос
 тюремные надзиратели
 Губкой Бобом кровь
 вытирали с кафеля

теперь ты, как друг
 машешь мне ручонкой
 с рюкзака эмо-тру
 с розовой челкой

Губка боб корчит рожу
 смешной Гальцев
 в юмористическом шоу
 поэзия апокалипсиса

широкий твой лоб,
 купидон постмодерна,
 не обманет нас, Боб,
 Губка Боб шизофреник

ты не милый добряк,
 и не дядя ты Ваня,
 ты поганый вторяк
 голубого экрана

ДОЛЯ

Я ехал в купе с крымской ривьеры,
 трясся в вагоне, карандаш мусоля,
 моей соседкой была дама с йоркширским терьером,
 с нехарактерной для комнатной собачки кличкой Доля

я думал над темой для новой поэмы,
 о лягушачьем царе сказку сочинить что ли,
 а между тем моя новая тема
 бегала по спальню полке и звалась Доля

Андрей Родионов

Илья
Кукулин

Доля, диванный терьер из Йоркшира,
чьи предки занимались работой опасной,
собачки, похожие на кухонные ёршики
спускались в забой у шахтеров за пазухой

и крыс душили в шахтах темных,
в кромешной тьме угля дышали пылью,
защищая от крыс хозяина-шахтера
рабочей были контрразведкой, надежным тылом

бесстрашно в темь загазованную бросались,
гибли в сражении с крысами или от газа взрыва,
быстрее, чем шахтеры чувствовали сами
своим чутьем собачьим конец, линию отрыва

но если вечером в шахтерской семье
играли дети с маленькой собачкой,
у миски своей терьер думал «О, yes!»
этот день был, пожалуй, удачный

садились шахтеры играть в домино и карты,
сначала огонь горел в камине, камин сменился газовой плитой,
все глубже и шире становились шахты,
йоркширский терьер зажил жизнью,
которая раньше была разве что мечтою

стал комнатной собачкой, потом и диванной,
так постепенно забывалась штольня,
но взгляд у дамской игрушки странный,
осталась во взгляде собачьем ДОЛЯ

что видел он там, земли под толщей,
в опасных узковатых черных норах,
шерсть блестит, тело стало толще,
но взгляд хранит память о погибших шахтерах

Андрей Родионов

Илья
Кукулин

и пусть Долей назвали из-за Дольки,
– полное имя в собачьей анкете,
это доля твоя и не только,
а всех йоркширских терьеров на свете

кто много трудился, жил с риском для жизни,
навсегда пусть остается
не шерстью лоснящейся и не жиром
а взглядом памяти страшной в далеком потомстве

Петя
Птах

Дмитрий Строцев

АНТИПАЛОМНИКИ или Третий бред Веры-монаха

1. Юдоль ликует!

Слава Тебе и спасибо, Родной!
Кто дарит нам ребят мужского рода
И женского рода
В несказанной юдоли земной.
Кругом тернистая и зверская природа,
Могила дерзкая, как бык, гарцует надо мной!
А мне лепота и свобода –
Я день и ночь, как штык, стенаю над строкой!

Но должен я, поклонник малодушный,
Шаг за шагом одолеть воздушный путь –
Сей душный равнодушный простор –
От степей до самых гор.
Я скоро, мой младенец жаркий,
Ненаглядный, как Христос!
Я скоро разгрызу все эти камни,
И сердце забурлит бурунами слёз.

Мой сын, мой Нил великолепный,
Среди своей молочной мамы,
На ветвях такой Заоблачной Дамы,
Цвети, мой сад, мой клад несметный!
Прости, Родной, что я ликую!
Но что-то не хочет душа унывать,
Когда слепец познал такую
На чужбине духа благодать!

2. Внезапный путеводитель

Как смотрит маленький котёнок,
У кого убили маму,
В глаза безликому тирану,
Вера так смотрел на Солнце,
Как в последнее оконце.
Вера так смотрел на свет,
На котором Любы больше нет
И не скачет жеребёнок.

Вера так смотрел наверх,
Что небесный свет померк.
Покорился Божий свет,
Человек ослеп.
А в саже гордой тьмы
Очи даже не нужны.
Но чем глубже роет крот,
Он откроет уши, нос и рот!

Он откроет в войлочной глуши
Тихое шуршание души,
Он услышит горький запах пота,
Когда меня прижал дрожащий кто-то
И наплевал слюной гниющих губ:
«Подвинься, нищий, я твой друг!»
В овине щель искала вьюга,
Ласкали нищие друг друга!

Они в обнимку ночевали,
Они с котомкой кочевали.
Они брели через долины.
Слепец слагал и пел былины.

Петя
Птах

Дмитрий Строцев

Толпе досужей и азартной
Он пел на площади базарной
Про счастье первое коней,
О перлах девы при луне!

Певца докучные спросили:
«Чего ты шьёшься по России
В вонючем обличье бомжа?»
«Иду, куда кличет душа».
«Мы разобьём тебе баян,
Чтоб ты нам мóзги не паял».
Они брели, глотая дым:
Слепец и его поводырь.

Они прилипли твёрже сплава,
Как два расплавленных металла,
К чужой отверженной судьбе:
Беда к восторженной беде!

Тебя ни разу я не видел,
Внезапный мой путеводитель!
Но руки памяти могли бы
Слепить портрет его из глины:
Клочки волос на мокром теле,
Качались руки, как гантели.
Во всем обличье – средний рост,
Слегка сутулась и курнос.

3. Один в дереве

Когда ты в дереве один,
Сначала вроде господин,
Но скоро один на один.

Сначала дерево в тебе –
Открытый космос в животе!
Как вдруг – один во тьме.

И пропасть свежая шуршит
И косматым ладаном ворожит,
И вмиг летишь, в мешке зашит.
И никто не сторожит!

А на тридцатом этаже,
Хоть уже распрощался,
Имена-письмена, как дрова,
Заполыхали-заблагоухали в душе!
И снова не один.

4. Плач и скрежет

Однажды в степи на привале,
Когда слепой и мокрый пировали,
А ветры как раз отбушевали на планете,
Незримые, как дети, столпились у костра
И простояли до утра, раззявив рот,
Бешеной повести контрастные свидетели.
Так мы услышали плач и скрежет человека,
Антиисповедь милицанера!

«Молчать, дубрава и кусты!
Молчать, обрывы и поляна!
Все твари выполнить должны
Конкретный приказ офицера:
Молчать! Да что вы помните о Рае,
Когда отец и мать со мной играли!

Отец оранжевого цвета –
Он умеет с телом делать это!
Он – профессор Всех Наук!
Он приделал восемь рук, как паук,
Чтоб распахать магнитные поля –
А это непаханая целина!

Петя
Птах

Дмитрий Строцев

Он захотел разведать недра Марса
Насчёт запасов внутреннего мяса!
Он в окно стартовал без скафандра
И на Марсе был уже назавтра!
А мать с отцом была в контакте
И путевые заметки строчила в тетрадке!
Но в восемь связь оборвалась,
И мама на глазах спилась.

Молчать! Я в десять был мужчина –
Вся харя в рубцах и морщинах!
Но уголовную шпану
Я ненавижу, как отбросы:
Кому положено в тюрьму,
Остальных – на эшафоты!
Меня ж родители зачали,
Чтобы я сосунок был вначале,
Потом они имели дерзкий план
Меня разрезать пополам
И смастерить из верхней половины
Задумчивый руль для последней машины!

Но помешала расчленив ребенка
Отца на Марс командировка!
Учёный в космосе тудился,
А сын роптал, зачем не пригодился!
Зато я начал рвать сорок и белок,
Чтоб этот хаос переделать,
Закончить научное дело отца:
Всю мразь смести с лица Земли!
Мне в интернате помогли
И закалили до конца.

Молчать! Я сразу после школы
Надел сержантские погоны.
В ночи мычали салабоны
И кровью пачкали в альбомы!

Короче, через замполита
В милицию стезя была открыта!
Потом я возглавлял отдел
По исправлению блядей:
Стихи читали, пили вина,
От меня шалела половина!

Но сильнее, чем работу,
Я оценил бомжовую охоту!
Идет охота на бомжей! –
Улыба ползет до ушей!
Берёшь с собой бензин и спички,
И – хоба! – шерстить электрички!
А потом найдут на полустанке
Какие-то горелые останки.
А потом мечтают, как шпионы
Уничтожают наши миллионы!

Молчать, изделия и твари!
Теперь сокровище раскрою перед вами:
Невзначай на вокзале
Мне добрые люди подсказали,
Где среди камышей
Гнездо паршивых бомжей!
Предвкушая кукарачу,
Мы понеслись наудачу!

Зажгли болото с четырех сторон, –
Сухостой заревел, как стерва.
Молотком шарахнул гром –
Током по нервам!
«Хлынет ливень!» – скулят из кабины.
Да провалитесь вы к чёрту, дебилы!
Укатила «шестёрка»,
А я сам не свой от восторга!

Петя
Птах

Дмитрий Строцев

Она, как церковка, над болотом!
 Её животик, как луковка, брызгает потом!
 От жуткой рези троится в глазах у меня!
 А я наступаю на пятки огня:
 Лизнуло пламя, – зазвенела, как люстра!
 Глазки, как лампочки, заморгали так шустро!
 На крыше трактора душа танцует и вопит!
 Как вдруг вся закипит!

Меня аж всего заколотило:
 Как птичка, выскочила сперма!
 Такая весна накатила,
 Как первая любовь примерно!

У, какая смерть среди чужбины!
 Позабылись прежние обиды!
 Вся жизнь промелькнула,
 Как банный лист, перед глазами –
 Досадная цепь неугомонных желаний!
 Но вот я в зарево свободы окунулся
 И на службу больше не вернулся!

Молчать! Гибриды и уроды!
 На карте нет добра и зла –
 Одна бушует красота:
 И крокодилы и вороны!»

5. Бельмоносек рычит

На это бельмоносек отвечает с трудом,
 Как будто из сердца рычит трактор-дом:

«Мой ругд, мой угдр!
 Мой ратб, мой атбр!
 Я бийцау! Я бийцау!
 А ты ни в чем не виноват.
 А ты ни в чем новат не ви!
 Живи, мой угдр! Мой брат, живи!

Твоя испарина и клекот,
 И локоть твой меня колотит,
 И ты ни в чём не виноват,
 Мой друг и ратб!

Ирукам ятеб асаюськ!
 Руками касаюсь тебя.
 Иктон ольшеб етн еням у!
 Никто больше нет у меня.

Ты нарочно перепутал,
 Чтобы я не горевал!
 Ты все по-своему придумал,
 Как-будто я не убивал!

Мой ырьпавад! Я бийцау!
 Я убийца.
 А ты не виноват».

6. Антирусалим и овца

А мокрый отвечает из громады мрака
 И на чем свет ругает брата:
 «Цыц, собака! Ты думаешь, в долине до сих пор?
 Однако! – он на вершине диких гор!
 И, как беспомощная рыба,
 Зеваешь на краю обрыва,
 Не постигая, что прямо под ним –
 Гангрена Мира – Антирусалим!

Где в червонной яме
 Работают, как черви, марсиане,
 Которых мой отец поработил
 Для завершения научного прогресса!
 А я, как тать, давно задумал: «Дай заманю
 Слепую веру в западню!»
 Цыц! Хватит болтать!

Петя
Птах

Дмитрий Строцев

Я столько раз готовился к прыжку!
Теперь я падаю в дыру к отцу на плечи
И мигом ему отгрызаю башку!
У, сколько лет твой сын мечтал о встрече!

Он крикает-гогорёт: «Ру-ра-ры!»,
И летит в тартарары,
А Вера делает шаг вперед:
«Твой смех-палач
Мне сердце режет,
Но слышу я твой плач и скрежет!»

Слепец делает еще один шаг,
Но не слышит ветер в ушах!
А наступает ногой в облака,
И в жаркую шерсть ударяет рука!
И крепкая волна овец
Меня выносит на спине,
Но иступлённо бешеный слепец
Сопротивляется, как во сне!

Но целое стадо,
Как мышца борца,
Меня сокрушает шутя,
И блеет: «Не надо!»
Родная овца
И утешает дитя.

«Нет! – овцеборец хрипел упрямо, –
Я буду рыпаться и биться до конца:
У Веры не было отца,
А только плакучая мама
С мальчиком черствела на земле!»
«Сыночек, руки вспомни!»
«Я помню грабли на руле
И у тебя на горле!»

«Я тоже была ядовита,
Безмерно, сынок, виновата,
Искала другого кого-то,
Мечтала уйти без ответа,
На свете давно не живу-то».

Петя Птах

 Дмитрий
Строцев

СТРАХ ВЫСОТЫ

Я не дослушал молитву, блядь, скучно
 не досидел до конца медитации
 не дожил до пенсии
 вышел в поля
 сообщил начальству по рации
 я тут случайно застрял посередине лестницы
 подъёмного крана
 совсем ни туда ни сюда очень страшно
 боюсь шевельнуться
 боюсь, это будет моя запоздавшая детская травма
 выживу – с божьей помощью получу пособие
 теперь же дышу через раз
 прижимаю к груди куклу Вареньку
 пялюсь в холодную желтизну
 (жду пожарных)
 над тающим городом.

На меня не хватило облатки –
 пошёл на блядки
 не причащённым касался сияния тёмных тел
 непросвещённым казался жестоким, но это что!
 спрятал рацию
 минус одно очко
 я убил невинное существо
 пропустил свою станцию

ладненько,
 доживу свои дни в полете
 пускай меня судят в аэроплане
 и манна мелькает в иллюминаторе
 птицы, камни
 а вдруг в нас попали?
 мотор поломался, экипаж канул
 а я ничего и не знал

отпросился в сортир
 в разгар адвокатских прений
 прослушал свой приговор
 долго маялся в серой кабинке
 тревожно исследуя
 «корень исколотый карандашом»
 мошонку, макушку

не досказал Отче Наш
 не дочитал гексаграмму
 не видел внуков
 уже было согласился поцеловать истукана
 но вдруг передумал –
 сослался на недомогание
 страх высоты, мол
 шутка ли дело какая драма –
 под нами центр океана!

идём на посадку –
 теперь я боюсь смертной казни
 но всё-таки отмечаю
 с эстетским злорадством
 неаккуратные флаги
 на приближающейся площадке
 где толпы встречающих
 всё уже знают, танцуют своё ча-ча-ча,
 теперь – марш, подан трап

я выходил королём фотокамер
 больным осуждённым высот –
 эшафот прогрессируя, прав эскалатор
 вежлив и добр –
 ко всем обращался на вы,
 а к палачу – братан
 а когда отзвучали аминь
 и менты заказали танго,

Петя Птах

Дмитрий
Строцев

стал дарить разнобойную речь
всесторонне подал её вещь
посвятил ей последнее слово
мол так-то и так-то

учителям говорил
обойдёмся без поучений
а сыновьям
златокудрым красавцам своим говорил
ух вы черти!
сломали микроволновку
разбили Сосуд – моя кровь!
а любимой жене говорил
ты кому отдала мой перстень?
кому приготовила праздничные оладушки –
пусть не будет ему на здоровье!
(минус одно очко)
я оторву ему уши
позволь мне проснуться
пока они мылят веревку
пока обращается шум.

Посреди остопиздевшей службы
искал дверь наружу
нашёл винтовую лестницу колокольни –
считал головой потолок
по ступеням взлетая юлой
как микроб по штопору,
по оглавлению – макаронны,
перила ведя рукою
(сверлом)
сквозь облачный мрамор
за узкими окнами,
рвался наращивать оборот
без конца повторял –
скоро подлинно верх,

проскочу последний пролет
выше всех, выше всех –
страшный грех! –
он и будет мой колокол.

ВОШЬ

1.

вошь овдовела гулёна молва
здравствуй, зазноба моя жива

вошью встревожен ко вши бегу
ты не достанешься абы кому!

многие ходят по вдовьи меха
врач и зоолог, любитель и хам

вошью взволнован ко вши спешу
любя расточение предотвращу

друг и любовник, наездник и брат
вдове вдохновение всё подряд

а мне умиление всё подряд,
ведь я у любимой всегда буду рядом

я у зазнобы живой воротник –
куда пожелает туда и проник

там где у ней, полагаю, спина
старательно ласков – она влюблена

там где мерцает лунный проход
пью, лобызая, до петухов

Петя Птах

Дмитрий
Строцев

она восседает, а я баловник –
мужа лишиться я что-то не вник

там где у милой срастается шов
лучше и слаще чем ты нету, вошь!

милая будто сняла чулок –
то-то выиграло железо молоко

то-то отнялся язык у зеркал
то-то закапала тушь с языка

только бы нам теперь повезло!
только бы с вошью ничто не стряслось!

только ленивый с тобою не спит
подумай о смерти – пройдёт аппетит.

2.

вошь овдовела – да здравствует вошь!
здравствуй, моя сероглазая вещь

здравствуй, моя просветлённая ложь
слава тебе, потаённая мощь!

вошь овдовела – я с нею в глуши
думаю лишь о спасении вши –

думаю – как бы хитиновый остов
лучше покрыть, а за вошью пришли

ёж и собака, лисица и пёс
землю наследовать им невтерпёж

жаждут и гадят, пугают не ждут
буря и натиск, бесстыжие, прут

жуткое дело какое зверьё –
крот и шиншилла, голубь и ёж

обитель земную хотят подпалить
что делать? – не жопа, а сердце болит

защиту, оправдаю, в обиду не дам
ни пяди «змеи» не достанется «львам»

от права зверей негу вши убереечь
толкаю зверям овдовевшую речь:

не надо над вошью вершить закон
возьмите тиару, сожгите амвон

пожалуйста, можете съесть алтарь
только не трогайте вечную тварь

сам я не молод, не сильно силен,
не особо охотлив, не больно бывал
я своею судьбою слегка удивлён
только с вошью я и бывал...

чудо! я вызвал желанный эффект
принята жертва, приятен ответ:

вши благороднейший из людей,
ты нам как будто прощенный отец

коли за вошей ты платишь покой
речью и шкурой своею одной

Дмитрий
Строцев

Петя Птах

нам же – настолько ли невтерпёж
чтобы наследовать вечную вошь?

страшно смотреть на её усы
разве герой какой не засыт

стыдно касаться её усов
ноль по порядку число голосов

первым заискивать начал енот
чуть ли не розу кидает в окно

следом барсук рассказал анекдот
чуть ли не тот про ежа и гондон

белка сказала: вдвоём так вдвоём
давайте бокалы скорее нальём!

крот аутотренинг с утра предложил
только с тех пор он уж больше не жил

как поётся в песне,
не спеши повеситься –
невозможно телу
не покинуть зеркала

если ж думы-варвары
на душу десантом,
высиди с отравой
за одну партой

формулы по камушку
списывай в тетрадку,
с маленького траура
слизывая краску

знаков еле зримых,
закорючек мизерных
грустный терроризм
ведай, но не ври

в ночь перед экзаменом
заданное ядом
повтори и выживи,
не прервав гадания

продолжай рассказывать
с неустанным жаром –
кем ты будешь завтра
кем ты будешь завтра

как тела-последствия
выходит болезнь,
как на свет невеста
выйдет из-за зеркала

ТРИ ПЕСНИ

1.

расскажи мне заново,
кем ты будешь завтра –
полуправду разовую
ничего что рано

вымысли по совести
будущее слово
повесть и невесту –
сам себе совет

Петя Птах

Дмитрий
Строцев

как твое неписанное,
догорая спичкой,
выманит у времени
то, что в нем не спит

завтра станет к осени
золотою осью,
невозможной собственностью
а пока – терпи

2.

отпустили бороду,
бороду на волю
говорила Оленька:
ну пошёл, пошёл!

куколка и робот,
крашенная чёлка –
отпустили бороду
прогуляться за борт

разрешили хоботу
маленькую шалость –
молодая молодость,
войди с нами в долю!

соль земли непрошенная,
алмазная крошка –
идём с нами, девочка!
не могу – я в шоке!

суки черножопые!
суки черножопые!
повторяла Оленька –
ничего, ей можно

что ж ты плачешь, глупая –
и в твои-то годы!
отпустили бороду
повариться в супе

отпустили крылья
с берегов Днепра,
говорили дилеру
осторожней, брат!

говорила Оленька,
зашивая шорты:
ты мне сделал больно –
так не хорошо

ах, какая лажа!
волоски да жальца
для чего же, падла,
я тебя рожала?

горькая метёлка,
порченная долька
мне тебя не жалко
ну пошла, пошла!

3.

в земляничной роще
у воды дубы,
раз от разу проще
соловьиный быт

примус и кофейник,
чахлый бутерброд –
эту воду феи
переходят вброд

Дмитрий
Строцев

Петя Птах

чудо-заповедник,
сказочная темь –
расстилаю спальник,
начинаю петь

вьются трели нежные
голоса-огня –
жёлуди и лешие
слушают меня

льются ноты светлые –
я не человек –
все меня приветствуют:
ай да соловей!

пение и танец
пепла над водой –
пусть за мной останется
в роще кое-что

горло и манишка,
пуля и свисток,
семь четверостиший
двадцать восемь строк.

Владимир Богомяков

Валерий
Нугатов

Свёкла радует человека.
 Катается по столу, щиплет его за усы.
 А человек, напоминающий узбека,
 Мажет на хлеб «алма павидласы».
 Заливает печенье желтоватой сгущёнкой
 И сытая морда становится всё лавашней.
 А свёкла, нарядившись круглой девчонкой,
 Тоненько поёт ему про день вчерашний.
 Показывает ему свою свёкольную писю.
 Зовёт за мороженым в магазин без продавцова.
 Но человек засыпает окуньком замороженным
 В пустом заснеженном городе им. продавцова-гришковцова.

12 лет назад товарищи в Париже познакомили меня с Бодрийяром.
 А я пил всю ночь с двумя туристками и изо рта был жуткий перегар.
 Я хлопнул виски, зажевал его ирисками. Вот тут в комнату и входит Бодрийяр.
 Я ступешался, поправил галстук и неожиданно спросил его, как действует Судьба.
 Честно говоря, не помню, что он ответил. Однако мне в скором времени не пришла труба.
 Люди умирали, уходили всё дальше и дальше, и усиливалась моя с ними разделённость.
 Но непостижимо в информатизированной нашей вселенной крепла всех со всеми неразлучённость.

Не продавайте Абрамовичу гору святого Михаила.
 Не то, чтобы я не любил этого капиталистического крокодила,
 Но я не представляю свою жизнь без фокусов на корпоративной вечеринке,
 Где я за большие деньги достану фикус-микус из ширинки.
 С этим номером я проеду весь евросоюз.
 И достану всем залупу на воротник под песни группы Мьюз.
 Я один поселюсь на горе святого Михаила, буду сидеть и пить коньяк и слушать полёт шмеля.
 А с воздуха прикроют два вертолёта и в заливе два корабля.

Владимир Богомяков

Валерий
Нугатов

Неси, Черемоша, венок, не дай потонути.
 Ходит по дну там важный старик, мраморны муди.
 На нём мундир однобортный синего цвета.
 Его бутылны глаза, как ненаступившее лето.
 Ржавый обруч в мутной воде. Вижу тропинку.
 По ней и пойдём мы, мой друг, жить в глубинку.

В том году я заполнил 500.000 карточек на всех жителей Тюмени.
 Даже заполнил карточку на Дантеса, он был сторожем на овчинно-меховой.
 А на Новый Год я нарядился маленькой совой.
 Пил из бутылки портвейн, ехал всю ночь в плацкартном вагоне.
 «Выходите, уже зверовой!»
 Снежно, темно. Неподвижная бездна над головой.
 И в этом месте волшебных грёз
 Меня не встречали ни сука, ни пёс.

Как воздушное жабьё вмиг травмирует душу ребёнку.
 Не плачь, вот кис-киса тебе, хлеба, сахара и рафинада.
 Пойди на кухню и чайником поиграй.
 Там по вторникам по краешку форточки
 Пронесётся сценки из параллельного мира.
 Какая-то, на улицицу похожая, встала на корточки.
 Какой-то, как динозаврик что ли младой,
 Льёт густую на голову ей, похоже, сгущёнку
 А она глухо ухаёт и глаза тенистее сада
 Иногда там сияет что-то, вот бабушка и решила, что Рай.
 А это же, нет, это другое, нашей душе оно не услада.
 Такое ж копошение жизни, как и у нас туточки.
 Иногда задуют кого-нибудь и бросят без похорон, проституточки.

Владимир Богомяков

Валерий
Нугатов

ОДА НА ВЗЯТИЕ ЛИКЁРО-ВОДОЧНОГО ЗАВОДА

Жизнь потопом волнуется, обуревается и нахрен потопляется.
 Выдали соляру, сухари, боеприпасы и жизнь не кончается.
 Оперативная обстановка напоминает крылату черепаху с 905-го года.
 Короче, выбить нах гандонов этих с ликёро-водочного завода.
 Они бя забыли вековые традиции качества.
 Где спирт зерновой «Экстра»? Говном каким-то поят казачество!
 Они не произвели реконструкцию купажного цеха.
 Их контакты с зарубежными партнёрами достойны лишь смеха.
 Не смягчают воду для водяры через фторопластовые фильтры.
 А потому должны быть убиты.
 Нас закидали гранатами РГД-5, и небесный корабль на нас опустился днищем.
 Гуляет труп в резиновых сапогах, но рысь почит с козлицем

Посдирав с усов сосульки, входит боярин Аверкий, городской епарх.
 «Что не узнали, владими́ро-суздальские суки?!!»
 И пинает Фролку-сиденя прямо в пах.
 Прямо по яйцам пинает со всем древлим благочестием.
 И задумчиво садится за огромный тяжёлый стол.
 В жёлтых зрачках масляные синицы
 И несут ему в графине на сонных звёздочках алкоголь.
 Над полями плывут золотые чугунные
 Пудовые безглазые запузырии исконные именитые.
 И начинаются ночи безлунные
 Бумажные белые и позабытые.

Владимир Богомяков

Валерий
Нугатов

Сидел медведь, пил чай с холодными закусками.
 Попью, думает, да и завалюсь на кровать.
 И тут приходят три пьяных ханта и говорят (что характерно, по-русски):
 «Прости, Дедушка-Соседушка,
 У нас сейчас праздник Медведя. Будем сейчас тебя убивать!»
 «Целуйте 8 раз мою Залупу
 И выезжайте в город Ашгабад.
 И там в пустыне, у которой нет названия,
 К вам ветры озорные прилетят
 Пердолить вас экологически
 Пердолить вас биокосмически
 На 40 миллионов лет назад!»

Был у меня подержанный ВАЗ-2105, да я его съел.
 Позвонили родители: ты что, совсем охренел?
 Да, ел стёкла, фонари, радиатор, фары и многое другое.
 И колёс от него не осталось. Я – Гойя.
 Съел его просто под настроение, а не под воздействием сил прелестных.
 Осуждал качество земель, но не хулил распоряжения кругов небесных.
 Сера в ушах закипела, я постоял в сиянье и блеске
 И отправился карпа удить на закидыш из толстой лески.

Владимир Богомяков

Валерий
Нугатов

С котом Афоней сяду я в чулане,
 Поставлю водки самовар.
 Позакоржинился в кармане чек на непонятый товар.
 Помятый и какой-то серый.
 Хрен знает как попал туда.
 Потому что я вот так в своей манере
 Возьму чего-нибудь и суну не пойми куда.
 Сижу, весь под крупным январским сугревом,
 И думаю про пути мирового искусства.
 А нонче студню бабы наварили хорошева, вкуснова...

Не каждому по плечу работать хорошей упитанности кроликом.
 Премудрая и блаженная Натура другому меня учила.
 На этой работе я стал психопатом и алкоголиком.
 Каждое утро за шкурку в области шейных позвонков берёт какая-то чира.
 Переворачивает брюшком вверх и обнаруживает слегка изогнутый половой член.
 Определила пол и горда, и хохочет, как Русь, поднявшаяся с колен.
 План – получить от крольчихи в год 12 окролов.
 А контрольная случка не всегда даёт правильные результаты.
 Но интуиция помогает выявить нас, ушастых стахановцев простаты.
 Кролиководы, кончайте свои хороводы. Кролиководы, вот вам моё джиу-джитсу.
 Я ивушкой гибкой распрямляюсь после бури, а могучий дуб повержен и увезён в больницу.

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

ПЕСЕНКА НИЩЕЁБА

ебал я вашу русскую литературу
 ебал я вашу актуальную поэзию
 ебал я ваши премии
 ебал я ваши гранты и фестивали
 ебал я вашу коллективную безопасность и цеховую солидарность
 ебал я вашу картонную оппозиционность
 ебал я вашу двойную мораль
 ебал я вашу политику
 ебал я вас всех вместе взятых
 и каждого по отдельности
 ебал я вас во все дыры
 с остервенением
 с присвистом и с прихлопом
 ебал я вас как молодых
 ебал я вас на столе
 и под столом
 на суше
 в небе
 и под водой

ебал
 кончал
 и отваливался

ебал
 кончал
 и отваливался

ебал
 кончал на вас
 и
 отваливался

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

ЕЩЁ НЕ ДЕРЖАВШИЕ ХУЯ ВО РТУ

девочки-красавицы
с ангельскими личиками
с чистой белой кожей
и ясными глазами

ещё не державшие хуя во рту

ведь когда-нибудь он войдет
в ваш нежный
в ваш алый
в ваш маленький рот
разорвёт его
и раздерёт
очень толстый страшный и грязный хуй
он сердце вам разобьёт
о
это будет жестокий
глубокий и жёсткий заглот
мало кто выживет
и мало кто переживёт

что же это такое
творится
родные
что за
ёбанный ёбанный в рот

CURRENT MUZAK

скачал с утра
пару свежих релизов
новых групп
синти поп готик эмбиент инди электроника
даунтемпо пост рок нойз даб все дела

загрузил в эмпетришник
сел в вагон
включил первый альбом
поехали

01 looking on the bright side 5:03
на 2 минуте трека
подошли трое
что-то спросили
не ответил
один заехал с полуоборота
в челюсть

02 come up smiling 4:55
двое схватили за голову
и несколько раз
стукнули лицом об колено
третий добавил
локтем по спине
харкнул в ухо

03 cock of the walk 3:38
второй расстегнул ширинку
достал вялый хуй
пытался засунуть в рот
третий держал
первый помогал
второй обломился
и просто поссал

04 sweet nothings 5:06
расстегнули ремень
стянули штаны
поставили раком
третий выломал поручень
и вставил в жопу
ебал поручнем

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

три трека подряд
потом выдернул
весь обмотанный рваными кишками

07 it's an ill wind 3:59
второй взял из сумки дрель
начал сверлить дырки
в висках
во лбу
в затылке
в зубах
в подбородке
по ходу меняя сверла
на более крупные

08 music to my ears 4:11
первый вытащил бензопилу
стал отпиливать пальцы
кисти
ступни
голени до колена
предплечья
потом бёдра выше колена
яйца раздолбил молотком
шею отрезал медленно
аккуратно

09 sight for sore eyes 2:57
все втроём
голыми руками
вырвали печень
почки
лёгкие
сердце
селезёнку
череп влажно захрустел
под ногами

10 gone with a bang 4:49
моя станция
вышел со всеми
как только двери закрылись
за спиной
полыхнуло
взрывная волна
накрыла
только на эскалаторе
он вздрогнул и встал
но
через пару сек
снова заработал

11 wine, women & song 2:32
поднялся наверх
весна
май
зелень
деревья в цвету
девочки
взгляды
губы
оголённые животы
кайф

аллë
ага
как раз дослушал
классный
альбом
пиздатый
групешник

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

ПУСТЬ ВОРВУТСЯ

пусть ворвётся ко мне участковый
весь пушистый румяный с мороза
с серебристой трёхдневной щетиной
распахнув милицейский тулуп

пусть ворвётся ко мне фээсбэшник
с развевающимися волосами
обдавая роскошным парфюмом
с ослепительной искрой в очах

пусть ворвётся ко мне фэмээсчик
в элегантном двубортном костюме
пусть ворвутся
ворвутся все трое
я их чаем троих угощу
угощу их холодной водкой
неразбавленным виски душистым
угощу я их тёплым сакэ

а потом постелю чистую постель
встану раком
(им
уж лучше стоять
чем болеть)
и пусть все трое меня отъебут

по очереди или вместе
пусть порвут мне сраку и рот
и потом опять отъебут уже по-настоящему
по живому
пусть ебут сколько им влезет
вздыхая и благоухая
на кроваво-обосранном ложе

а если после этого меня всё же осудят
если меня засудят
и даже посодют
за решётку в темнице сырой
можно выпорхнуть птичкой в окошко
можно уплыть в дешёвый китаи
в густонаселённый гонконг
или в густонаселённый шанхай
и там затеряться в толпе
ещё можно уехать в индокитай
например в сказочный мандалай
или в лучезарный пхукет
где для грусти поводов нет

ты носи меня вольный ветер
туда где меня больше нет
где никаких напрягов уже больше нет

и вообще ни хуя больше нет

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

IMAGINE

у тебя всё отлично
 дела идут в гору
 ты набираешь обороты
 очки
 популярность
 ты имеешь успех
 тебя хотят
 тебе пишут и звонят
 тебя приглашают
 к тебе прислушиваются
 тебя уважают
 и побаиваются
 тебе завидуют
 тобой восхищаются
 тебе подражают
 тебя любят
 и ненавидят

а теперь представь себя
 старым больным никому не нужным
 алкашом или нарком городским сумасшедшим
 собирающим бутылки у лавочек
 роющимся в мусорных баках
 молодым инвалидом войны просящим подаяние в вагоне метро
 бездомным в сочащихся сине-пунцовых язвах
 блестящих в загадочном свете неоновых вывесок
 представь себя пациентом дурдома
 сначала буйным а потом обколотым и безмятежным
 представь себя на утренней прогулке на зоне строгого режима
 представь себя ограбленным избитым или убитым на улице гопниками
 представь себя казнённым по приговору суда
 или просто расстрелянным без суда и следствия
 представь себя случайно найденным трехнедельным трупом
 тушкой сожжённой заживо кошки

Валерий Нугатов

Владимир
Богомяков

вороной обыкновенной
 тараканом рыжим
 молью платяной
 тлём зелёной
 розовым дождевым червём
 деловитой сине-зелёной мухой
 представь себя разъёбанной старой сракой
 или геморроидальной шишкой внутри этой сраки
 а лучше
 куском собачьего кала
 представь и повторяй за мной:

я
 кусок собачьего кала
 крупный кусок свежего собачьего кала
 я лежу на детской площадке
 в прелой листве
 рядом с горкой
 напротив песочницы
 под высоким холодным небом

кто-то в меня вступает
 и долго потом матерится отряхивая ботинок

лежи смирно
 и всё это повторяй
 не бойся
 дыши глубоко

это твой
 запах

Павел
Жагун

Александр Дельфинов

Дерево

Дерево учило меня ненавидеть ненависть
 Жаловаться на жалость терпеливо терпеть
 Дерево воспитывало во мне зелёный-зелёный цвет
 Сердце моё пускало кровеносные корни
 Дерево говорило-приговаривало шептало-нашёптывало
 А жизнь проходила мимо чередом затейливых лицетел
 Дерево умело улетать на юг но не любило исполнять этот трюк
 А возлюбленные мои уходили за лес за гору за океан за тот край
 Дерево высчитывало квадратный корень на раз
 Кора покрывала мои руки и ноги и живот и прочие части тела
 Дерево не показывало зла но было ли в нем добро?
 Я ветками царапал кирпичи каменного мешка в котором вырос и рос
 Дерево учило меня видеть слышать и чують
 Возлюбленные мои обрывали кровеносные корни
 Дерево воспитывало во мне нечеловеческий стоицизм
 Но жизнь прорастала в пустой сосуд сквозь кирпичи каменного мешка

Хотел тебе рассказать о своей любви
 Но чайник на кухне засвистел как стрела
 Хотел признаться тебе в любви своей
 Но прямо под окнами столкнулись «скорая помощь» с такси
 Я выбежал на улицу думал надо помочь
 Но улица исчезла я упал лицом в раскаленный песок
 Воздух ртом хватая как рыба умирающая в ведре
 Но это был просто сердечный приступ у старика из соседнего дома
 И в следующий миг распустились цветы
 Они были фантастически красивы и выглядели хищно
 Станным было то парадоксальное обстоятельство
 Что они расцветали прямо на моем теле
 И они душили меня и я не мог говорить
 А ты смотрела с улыбкой но словно из бесконечности

Павел
Жагун

Александр Дельфинов

И я шёл к тебе а ты отдалялась и отдалялась
 Но это был просто приступ астмы у аксолотля
 Живущего в аквариуме в квартире у того старика
 Что жил в доме по соседству и умер сегодня вечером

Над Берлином осенью небо низкое
 Сбитые ангелы падают, словно листья
 Жирная продавщица поджаривает сосиски
 В киоске у станции городской электрички
 По велосипедной дорожке прокатил инвалид в коляске
 Наш микрорайонный бомж шатается на попрошайстве
 До полудня ещё далеко, но мне почему-то кажется
 Что ночь на дворе, и утро не начиналось

Мой русский фруст

Мне кажется, что я совсем тупой.
 В башке ворочаются мысли, словно черви.
 И я мотаю глупую башкой,
 И взбалтываю серые консервы.
 Жую, давясь, пошлейший винегрет
 Из снов языческих, покрошенных в наркозе,
 И заболтав словесный свой портрет,
 Растрачиваю пыл в галлюцинозе.
 Но здесь пылает, не сгорая, Kunst,
 И Art морочит дух с необоримой силой!
 Огромный Фрейд и чуть поменьше Пруст
 Хрустят помфритом над моей могилой.

Павел
Жагун

Александр Дельфинов

Белогвардейский психроманс

Господа! Я с чудовищной силою
 Ощутил судьбоносный удар.
 Попрощались в поле мы с милою,
 И помчал меня конь в Краснодар.
 В небесах гасли звезды румяные,
 Ветер дул и гудел в проводах.
 Танцевали ээсовцы пьяные
 В древнеримских своих городах.
 На эстраде оркестр наяривал,
 Я топил свою юность в вине.
 В темном баре, в клубящемся мареве
 Вдруг открылась вся истина мне.
 Как живые, задержались статуи
 В галерее изящных искусств.
 Я воскликнул: «А стоит ли?! Надо ли?!»
 Но дремала великая Русь,
 А народ по привычке безмолвствовал.
 Только волк где-то в чаще завыл.
 Подчиненных построил по росту я
 И секретный проект им открыл:
 «Господа! Скоро будут разрушены
 Вашингтон, Ремингтон, Талибан!»
 Тут компотом малиново-грушевым
 До краев я наполнил стакан.
 Сердце! Ты никому не обязано,
 Ведь любовь не купить на заказ.
 Конь дрожал, к портсигару привязанный,
 И сарай обвалился на нас.

Странное поведение опытного моряка

Шторм на море, ураган,
 Волны очень сильные,
 А в каюте капитан
 Песни пел дебилные.

**На смерть Черемушкинского рынка
в Москве**

Прощай, Черемушкинский рынок!
 Мой постиндустриальный призрак.
 Бетоном крытый теремок.
 Капустка с хрустом и грибок.
 Прорвал существованья круг ты.
 Традиционные продукты
 Прервали свой круговорот.
 Творог, чеснок, чурчхела, мёд.
 Так растворяются постройки,
 Хотя казались жизнестойки.
 И «Интурист», и «Военторг» —
 Привет, андроид и киборг!
 Встают над градом небоскрёбы,
 Ах, чтоб мы были все здоровы,
 Иван, Абрам и Асланбек,
 И миллионы человек.
 Тебе беляш, тебе лаваш,
 Тебе шашлык, тебе гуляш.
 Эй, дэвушка, бэры арбуз!
 Свинцовый глобус. Пятый туз.

Павел Жагун

Александр
Дельфинов

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПАМЯТИ

в темноте рифмовать стылый сад и тяжёлую реку
 громыхая ведром вдоль дороги резвится гром
 пожелтевшие иглы сосны в коробке из-под спичек – хороший подарок
 так созвездие родинок под лопаткой
 останется в памяти внутренним фото
 когда свет выключают рыбацкие ветры
 и скрипящий фонарь
 машет в ночь своей шляпой вьетнамской
 что-то хочет сказать между вдохом и выдохом дождь
 в мокрый снег превращаясь
 под утро

засвечен клёном летний сад –
 под веко южный свет проник
 играет яликом пассат – глухих мячей литой двойник
 луч – головастиков гларварь –
 оленьей тени завиток
 плыви
 минуя плен луфарь
 кружись
 исписанный листок
 нам на закате суждено
 вишнёвой кляксой в дневнике пить лёгкой радуги вино
 темнеть смородиной в руке
 июль спасает нас от пуль –
 беги
 по лезвию струны –
 полночный гонится патруль
 с раблезианской стороны
 и каплей липкого ситро пьяна лимонная пчела

Павел Жагун

Александр
Дельфинов

навстречу гулкому метро
 пленённый волнами тепла
 у чаек требует родства
 картонный карлик кулаком –
 не страшно говорить слова –
 быть птицей
 а не хохолком

нет никого
 кто мог бы ему помочь
 спуститься по воздуху пока все слушают затухающий колокол
 всё ищут его среди веток
 на стенах домов
 принимая вечерних стрижей за отголоски прощения

зимнее солнце в руках у нищих –
 медовая дыня из самарканда
 пропахшая дымом последней войны
 где маков огни в нагрудных карманах отцовских спецовок
 сигаретами тлеют на левой груди
 провожающих взглядом товарный поезд

слушая гулкое техно столичных клубов
 ухом припав к замерзающим рельсам
 овальную степь в темноте обнимая

шептать со звёздами
 в синей заброшенной
 лодке

Павел Жагун

Александр
Дельфинов

они без труда узнают себя в сумерках
тёмных несбывшихся стихотворений

размытые фото немых впечатлений
впечатаны в снег синильные санки –

тифон превращён в цикаду звенящего холода под рождество
девственность мрака

через язык все предметы связаны
прочно
одной пуповиной –
детская песня и стук её клавиш:

она – ярче слезящейся ели в игрушках –
и ту и другую
удерживает деревянная крестовина

морзянка –
название птицы
полярной

скворцами замоскворечья
желток ислеквав пасхальный

мысль о тебе –
не ты

Павел Жагун

Александр
Дельфинов

менестрели расстреляны
 горькая память о нескольких днях распечатанных письмах
 изорваны в клочья
 кружась в нераскрытом окне остывающих таен –

мнимые линии протяженностью в осень или щелчок пальцев
 почерневшие строки ростки касаются мочки уха
 там где незрячее солнце проводит линию моря
 шумящего в очертаниях брошенной книги

если разнять их холодные пальцы
 короткое замыкание
 россыпи искр в темной комнате мастера
 приютившего нас
 облака
 и улитку

его вечно опухшие губы зимой
 в мелких трещинах
 слижет мороз
 на углу малой бронной
 с мостом мирабо

здравствуй маленький рузвелът –
 гирька бессонной зимы
 ворожкой вдохновляемый полдень искрится слева
 вольница сна твоего – белокаменный остров
 решительный зверь
 обладающий истиной рыбьего духа

Павел Жагун

Александр
Дельфинов

мы выходим на свет
 лебяжьи изгибы снегов
 гороскопы раскинулись сетью тревожных песен
 кто ты?
 моя невесомая радость блужданий
 я так бесконечно мелок что твой небоскрёб разлуки
 пилоты лапландских полян –
 болевые источники глаз

жду
 прислонившись к ночному гулу
 разбитый на части смертник
 с бессмертником в головах

нам ли запретные сны ворковать
 стряхивать крошки последних истин
 чуть свет облачаясь в пурпурный полдень:
 лужица –
 копия зимних листьев

ты знаешь двенадцать имён детей
 несколько стёклышек на удачу
 так и приходишь
 смеясь и плача
 невеста обласканных новостей

вот –
 однобокое небо в складках
 пей эту воду
 дыхание ночи
 горькое море и ливень сладкий

теперь много проще понять природу:
 кто – при зачатии непорочен

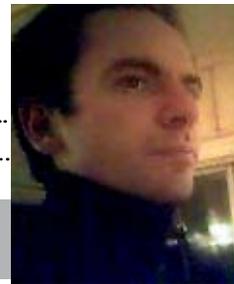
59

Содержание

Александр Журов

Алексей
Порвин

* * *

Две тени моей головы
Разговаривали друг с другом
Вырывали зубами никчёмные сны
А я слышал чистое пение с севера
И радость идущую с юга

Александр
Журов

Алексей Порвин

*В слёзоньках мусор, а кто нам
мусором слёзным велит становиться, стоять
по не-законам?*

*Смаргивай нас грамм за граммом.
Пламячко дует в глаза – и слезится «нельзя»:
кто нам – никто, а?*

*В плошке от жидкой лампадки
кусаным блеском прилечь без оглядки дверной:
кто там с законом?*

*Слёзным захлёбом – за хлебом.
Кто бы ты ни – нас прозрачным шаром породил;
в нас не тони.*

*

Пальцем по ободку забытья
проводит, даруя звон;
слышишь – это к заутрене ждут
родные, которых нет.

Что налито в беспамятство, тем
отсутствие утолять,
но – не жажду во рту у того,
кто сам есть вода в стекле.

И хватаясь за колокола
дрожащего ободка,
ты бежишь со всех ног не успеть
к родителям и к сестре.

Длись, движение по ободку:
оно утоляет звон,
прислонившийся к ножке стола,
накрытого простыней.

*

Мне снилось, что меня подводят
ко мне – я вижу скалы, небо,
и солнцем залиты глаза.

Ни дома нет, ни человека.
Я дальше не смотрю и жмурю
весь Божий воздух, зная впредь:

я не вернусь, за эти веки
не встану, как за занавеску,
от взрослых прячься; я – не я.

Простор безлюдный – да. Но кроме,
есть что-то, видимое Богу:
ведь это ты сейчас войдёшь,

отдёрнешь занавеску, жмурясь
от заоконных ярких пятен,
и свет очнётся в память, вспять.

Алексей Порвин

Александр
Журов

*

Научишь длиться, словно масло лить
из прочного кувшина – на глаза,
и не кончатся, словно вера.

В тягучий свет смотреть и видеть, *что*
случится завтра в крепкой глине – в ней
не трещина, но голос виден.

Растёт. И вот уже кувшин из двух
кричащих половинок состоит:
одна из них в земле, как время.

Другая – вот. Лежит, зовёт тебя,
хватается за телефон и свет
и мечется в своей постели.

И, как глаза – сквозь масла муть глядят
в родную землю, ищут время, так
ты шагом рассмотрел изнанку

недоброй почвы, зная, что в ней нет
ни времени, ни места для тебя.
Но помнит почва вкус сандала.

Тимофей
Дунченко

Евгения Сулова

Маяк Обратно

белее белого беленья...
(Иван Жданов)

яблоко
можно разбить
только с расстоянья
реки

вся вылетевшая
длина
сединой на лицо
садится
он смотрит

в профиль

и видит
одни

границы

поворачивается
ко мне
своим безграничным

лицом
рассуждает

о чуде
через корень
ее

птицы
полета

не знает индийского

слова
думает

слушал ничего

не понял

и с ее горбатым клювом
утирать птицам холодные
носы

вирджиния
светорыбалка на скорость

этикетные формы тоски по дому

доски так хороши
стулья

что не хочется
закрывать рот

забивать двери
оставлять фирса

но длительные
перелеты

Тимофей
Дунченко

Евгения Сулова

разговоры
сломанная мякоть лимона
ошибки
на ветках окна

люди дуют на воздух
в ожидании пожара
бросают селения речи
сгибают шеи

дураки
проворонили
почерневшее
дерево
лечат вывих тепла

минуты
вырывают
с корнем
друг друга

время
на каждом шагу
становится
все
человечнее

а ты
приходи ко мне
мертвый
и молодой

нищий камень
жуёт

не понимает
почему
перелистывают

другая страница

нерадивая дочка
семечками устилает
кровати
как в самом своем деле
чужая

делает из
птицы
скворечник

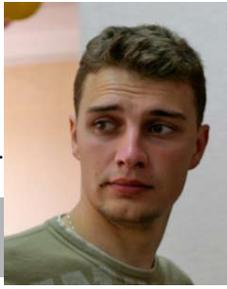
твой отец
мой отец
простудился

от этого
верю
все

неприятности

Евгения Сулова

Тимофей
Дунченко

железные крови
 лед треснул в лесу от черноты мороза
 отправляйся домой

отпечатки спины
 твоей в воздухе
 встречная полоса на языке
 смахнул крылом незанявшуюся
 занозу

война не по правилам раскола совести
 что делать

мир стоит пустой как дом
 годовалый берег
 зимы и
 молочного
 горла

молитва о человеке
 начинается и кончается
 единицами
 сопротивления

так причиняешь
 радость
 что эхо

выкрикивает

вперед

Евгения Сулова

Тимофей
Дунченко

Возгорание птиц

Ворует вора

если мрак несется значит имеет неровности и просветы
 девочка с лодкой на голове спасает уцелевшее
 чернильный прибор тетрадные клетки
 птица соскальзывает с зелени листа
 потом с самого листа и остается сидеть
 отстает от своего стыда
 старая добрая система времен люди куда им ходить
 ноги сколько есть в деревне горят идут на растопку
 чужого замороженного тепла чтобы небо коптить
 каждый - маленький в-рикша с вывороченным наизусть веслом
 свое собственное коромысло
 падает как тень не научившаяся в детстве летать
 как хорошо сшитая по тебе одежда тоскует лежит садится
 молоко следует сначала напугать растянуть на пальцах
 и песня еще песней
 и того гляди загорится

кровоточит целиком
 не часть ее
 дверь в камень закрыта
 но истончается по чуть-чуть
 слова во сне повторяю твои
 шагаю по буквам как второгодник
 по букварю
 вот дед сидит невидимым под своим веслом
 натирает себя необходимым движеньем как
 черствую корку слезами и чесноком
 монетку бросает в разные стороны она попадает
 и в цель и в голову
 время – наугад поцелованный месяц
 икра взрослеет молчит кровоточит
 напивается нижней водой взаперти океана
 проходит год

Тимофей
Дунченко

Евгения Сулова

красная и красная машины еще столкнулись
но уже совершенно красны
и горит закат

повешенный на колодезном свете светел
снятый с колодезного света тёмн
как то что остается в сугробах разбитых земель

наголову

раздетых
вещей

ты распинаешься перед единственным стаканом воды
что хранится в доме
собираешь сумки
не заглядываешься на себя в зеркало
ты маленькая небесная мебель

девочка из зерна картошки
водит свою недоразвитую тишину по моим аушвицам
застает меня с поличным со сновидениями и с книгой

подбирает волосы
гребешки и расчески

немой и немой слышат друг друга издалека

Евгения Сулова

Тимофей
Дунченко

в кости минуты отчаянная радость маленькой пустоты
сядешь и разденешься до ветру после укола пылинки
пылинки имеют продолговатую форму как след стрекозы

остров кружится не помещается в рот
человек расхаживает будто видел чужое чего-то
отравляется принимая себя за таблетку и полдень
раскачивается руками на тени и темени

кроме полночи скакать неживым не на чем
глотают минуты благодарят да не очень
с неба падают капли как еловые веточки
ни во что не веруя никуда не попадя

юла приспособливается к днищу реки
человек входит вровень с водой
и начинается бой
одну ногу назад и один оборот
и нога улетает в многолетний полет
и только мигрени трещат там где рот
у самого края реки
и видишь как мальчик плачет спиной
то есть уходит плача и стоптанная ладонь
пунктиром указывает на внутренний укус но-
жниц не так много нужно для опечатки на тельце
что у тебя произошло мальчик спрашивают слова
у меня рождество раньше самого рождества
у меня палач сидит из-за одного плеча
а домой не иду потому что маму ограбить не на что
и встает в центр каждой вещи
чтобы не крутилась на языке
одна рука короче и одна нога меньше
и в магазин за обувью и перчатками

Евгения Сулова

Тимофей
Дунченко

каждый раз приходится ходить дважды
 потягивает слово за мышцу как из трубочки ледяную воду колечком
 корень острова был сладким а теперь горче резче
 теперь не скажешь про горе
 что типа «мне показалось однажды»

золотая середина значит нужно распилить надвое и смотреть
 держать зеркало в тепле от простуды присыпать овсом и рисом
 не садиться на мебель пока не вынесут треть того что у тебя есть
 стоять прямо и отрывать обои от ноги ногой
 но сорить чтобы никто никогда не увидел
 я ложусь спать и вижу как у нее побаливает висок
 хотя росток ее мал а потолок высок
 и недоеденный кусок яблока падает и достает до самого низа
 дребезги поезда выбирают между ложечкой сахаром или чаем
 голос просит выключи свет
 но мы смеемся и с самого начала его не включаем
 ее монетка подрагивает под языком
 много сахара на обед

и зеркало переворачивается набок в детской своей кровати
 оттого что нет необходимости в носке и помаде
 оттого что его не гладят не дышат на него не трут бумагой
 погода в форме ботинка сапога оригами
 человек в форме ноги в форме блестящего слова
 что хранят в банке от хранения в банке
 все что ни ешь в такое вечернее время года
 приобретает приметы пустоты и склянки
 иногорошины катятся по лицу чужого неотесанного полена
 мать елена на этой горе снега по твое колено и рябина текла и текла
 в этих словах ничего что запретить ребенку
 новую заколку значит новую тебе заколку
 веру надежду заколку
 веру надежду

Евгения Сулова

Тимофей
Дунченко

часть и частица ребенка находятся под дремотой
 сквозь яблоко тумана меня съедает чужая забота
 на прустовом ложе памяти сумятица неглаженого белья
 если тебя немного много то это не ты а я
 заворачивай к себе за слово в карман но за душу себя не трогай
 слезы дедала отвозят к месту обоюдоострой и чуждой родины
 навроде Непала
 наполняют птицу-кувшин чем попало
 человек заболевший всемирной историей
 был там где наша не пропадала
 где проделана как дыра маленькая световая работа
 по воронежской ссылке попадаешь к обезвоженной ночи
 семиотические боли – пневматической почтой на дом
 я засыпаю – и комнатные растения несутся из-под подвала
 цветы – кирпичная родинка нерожденного сада
 потому что люди считают что «отравлен» от слова «трава»
 и закатывается зуб за зуб и окно за око и дом за два
 как пресная историческая благодать
 двадцать третья буква
 не ловится на крючок
 не намерена отвечать
 в трубке слышу «алеф» – **дурачка значок**

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

Из цикла «Сноязычия»

1. блямбочки
2. ады горят
3. зло торжествует

1.

1.

широка моя невеста-капустница
погуляю с ней авось заблудится
авось на опушке отелится
потому как такие красавицы
клетками делятся

авось на авось
в паху гвоздь
с неуютным запахом загорелся мост
а авось отсмеялась
подула в ось

та слилась и истончиво перека
поглядела искоса
с того берега

с того берега изморозь
с того берега перекос
нет в реке медуз

не реки мой лузер
что болят медузы
что растянуты на ногах рейтузы
потому как оборвалось

2.

славили славие право срамили
углубили заточку знамени
обескровили небес кровие
кому вровень кому июнь
до сих пор

жиденька и скромна
но хорошая память на имена
мне сплошное марево
ей тоненькая пелена
все равно это все
не про нас

про нас славие
понаставили
понастилали простынок на наш диван
все равно потом родила

ямки ямочки где были у маменьки
наряжали тапочки
шажками маленькими

славили славие право
криво ставили
а потом за здоровье
разворачивали баталии

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

3.

каждый раз наступая в глаз
я отряхиваю стопу
потому как липкая эта грязь
не к стопу моему

мне понравились воробьевы горы
там бы домик свой и сажать помидоры
а вокруг заборы заборы заборы

чтобы пухло и зрение чувство раннее
как воткнуть в него
ковырять его
чтобы лязги да визги и ямочки на щеках
чтобы с парты моей записки
засияли запылялись

хамочки на веревочке
сабельки на тесемке
на крыльце царевича поджидают тапочки
одевает джедаем становится
и опять в подземку

черные рамочки
наливные яблочки
по гладкому блюдечку
торчат неживыми блямбочка
ми

4.

и неясен невысок
вырубают мой лесок
соболь жаворонок пшеница
и все внезапно повторяется

и в громоздья я

на ведущую пустошь тропкою пляса
жизнь полязгала сладким ядом в палас погрязла
жаворонки поют а щекою прикрыт пузырь
кровь из пальца берут
я беру - нашатать

наша тыркнулась вон туда а над ней плита
а над ней плита вот и все
приданное
на пиру будет дикая маята
неожиданная бетонная

5.

срам не срам – по твоим устам
так бездарно оно
кратковременное пристанище
так и ты теперь перестань
занимать это место
товарищ

емок лобок ты меня лиса
выбирай в какие кусты
а потом размахивайся и бросай
только не в новые кресты

емок сам потому плясал
думал что поплясал и все
а осыпался горизонт
абсолютно не по часам
старый конь стоял
старый конь молчал
и не портил своей
борозды

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

6.

авось аукнется
оуклится буквица
трухле-трахле
и все запахли

и все медузы
всем на песке
не спалось не спалось
а я видел земную ось
лизнул языком
примерз

от негодования
все вдруг внутри
оборвалось

2.

1.

эти солнечные дни когда-нибудь
наконец закончатся

привьют насильно
ночь солнечную

ходишь внутри дребезжит
расшатывается
болит

охаешь ады горят мои
учащенно дышишь

да, ады горят

2.

ткнул мордочкой в стену
оставил слепок

оторвал положил набок
это ведь ты боялся что гуси-лебеди утащат
тебя пугали этими сказками
а теперь приходишь кормишь их хлебом

а они на тебя ноль внимания

3.

перед домом рубят лес
будут строить бабушка сказала
оздоровительный центр

дома там не построить - болото
а центр оздоровительный можно
с бассейном

листья даже еще не остыли
а деревья уже срубили

вот так и тут глупо
какие времена года
какие праздники
развлекаются как могут

потому что им скушно

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

- 4.
- территорию не ограничить
никак
езде подкопы везде рудокопы
робокопы терминаторы звездные воины
- не перечить
в такт
пожалуйте гости дорогие
робокопы терминаторы рудокопы

угощайтесь пробоинами

- 5.
- кипело в горшочке
всплывали наверх кусочки
их топили они всплывали
их пробовали они хорошо
переваривались

доченьки и сыночки

- 6.
- дети в песочнице играют в ад
был куличик стал котелок
туда спичку
поверх дохлую синичку
мол душа
зажигают
горит воняет
вдруг один из ребят
ладонью бьет по песку

- кричит - мама идет
все разбегаются прячутся
мама пришла
один он идиот остался сидит закапывает
птичий трупик
не горят ады не горят
и за ручку идет домой
оборачивается
глупенький

3.

- 1.
- первое слово дороже второго
а там еще горы моря перекуры
вчерашие мальчики взводят моторы
в таком-то июле в таком-то году

и тянется нить из ноздри эпикура
счастливые люди бегут и ликуют
по ней по дорожке бегут и ликуют
счастливые дни нападут
и прибьют

жили бы в наземи пили б по праздникам
хлопали в чуб и себя самого
сколько дразнить еще жить и опасливо
щупать смотреть неужели того

2.

повтори Расскажи почему у бога нет отчества
почему в твоей комнате нет одиночества
почему одним прочерки, а другим -

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

пророчества
как избежать этой участи

почему бы хотелось, а вот не хочется
почему отрочество как младенчество
и твоя пророчица под тобою мечется
изображает оргазм и прочее

почему ты дышишь а думаешь что говоришь
а говоришь и не думаешь что говоришь
а дышишь и совсем уже не думаешь
пожужь и губами похлопаешь

повтори Расскажи для чего боязнь
для чего пролез, а потом паясничать
мол живи и живи себе дальше
без гнева любви и фальши

3.

был стеклянный шарик в руке
умер держащий
шарик кладут под язык и плыви по своей реке
думай о настоящем

а откроет лодочник пальцами
вынет – посмотрит на свет мертвый
и тихонько хихикнет сжалится
повезет за вот так вот

и плыви плыви тело неоплаченное
как подобается
попусту время потрачено
хоть кому-то загробные шутки нравятся
расхучена жизнь расхучена

4.

a)
неудачный прыжок целился
попал семиметаллом доктор осьминог
разорвал костюмчик на части
вырвал сердце

человек-паук мертв

b)
не получилось заклинание
палочка не сработала
надо было учиться больше и вдумчивей
тот кого не назвать хохочет ковыряет своей
палочкой
в юношеском сердце

гарри поттер мертв

c)
как дела док а динамит сразу сработал
забилось кроличье сердце
зависла в понимании смерти челюсть
над морковкой

багз банни мертв

d)
мегатрон сказал ты умрешь
оптимус сказал трансформируюсь
но что-то сломалось в механизме
не сработало и случился взрыв
замолкло машинное сердце

оптимус прайм мертв

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

е)
по новым правилам крест не работает
не работает чеснок не работает святая вода
зажигалки нет
и сейчас ночь а не день
и я вижу как твою кровь
твое сердце качает

джонатан харкер мертв

f)
шлем снял прохрипел что-то тихо
люк склонился услышать
я отец твой сказал вдруг бодро
и воткнул ему лазерный меч
в сердце

люк скайуокер мертв

g)
почему-то тяжело на сердце
почему здесь стены такие зеленые
потому что ты сейчас умрешь
захотел лекс лютор и перекрыл дыхание

супермен мертв

h)
человек-паук мертв
гарри поттер мертв
багз банни мертв
оптимус прайм мертв
джонатан харкер мертв
люк скайуокер мертв
супермен мертв

зло торжествует

5.

от меня в тебе вещество
день пройдет родишь существо
а еще один день закончится
существу подарю отчество

через чих затих прoderет и лих
никакого чувства тревоги никакой симпатии
дети такие как их
воспитали отцы и матери

6.

*раскудрявый
клен зеленый расписной
пал последним
этой раннею зимой*

*клен зеленый
да клен кудрявый
увезли его
грузовички*

как-то утром на рассвете
на балконе я смотрел
как смугляне молдоване
порубили весь мой лес

я краснею я бледнею,
захотелось вдруг сказать:
для чего все это строить
неужели деньги есть

а смугляне молдоване
отвечали деньги есть

76

Содержание

Тимофей Дунченко

Евгения
Суслова

у нас – нет, но здесь построят
охуительный дворец

и смугляне молдоване
по тропинке в лес ушли
только стук стоял и щепки
и летели журавли

7.

коротко и ясно
длинно и ужасно
все одно

жизнь прекрасна
смерть говно

ПАУЛЬ ЦЕЛАН

Фуга смерти

Мы раннее черное пьем молоко вечерами
 мы пьем его в полдень и утром мы пьем его ночью
 мы пьем и мы пьем
 мы в воздухе роём могилу чтоб не было тесно
 вот в доме живет человек своих змей развлекает он пишет
 и пишет когда на Германию темень твоя золотая коса Маргарита
 он пишет об этом выходит из дома и звезды сверкают он свистом зовет своих псов
 он свистом зовет и строит евреев в ряды чтобы рыли могилу в земле
 он командует нам заводите свой танец

мы раннее черное пьем молоко мы пьем тебя ночью
 мы пьем тебя утром и в полдень мы пьем вечерами
 мы пьем и мы пьем
 вот в доме живет человек своих змей развлекает он пишет
 и пишет когда на Германию темень твоя золотая коса Маргарита
 как пепел твоя Суламифь мы в воздухе роём могилу чтоб не было тесно
 он крикнет эй вы приналечь на лопаты а вы остальные играйте и пойте
 он жезл из-за пояса хватить у него голубые глаза
 эй вы приналечь на лопаты а вы остальные играйте танцорам

мы раннее черное пьем молоко мы пьем тебя ночью
 мы пьем тебя утром и в полдень мы пьем вечерами
 мы пьем и мы пьем
 вот в доме живет человек твоя золотая коса Маргарита
 как пепел твоя Суламифь своих змей развлекает
 он крикнет играйте о смерти нежней властелин из Германии смерть
 он крикнет темнее скребите струну затем вы дымом подниметесь в воздух
 и будет могила у вас в облаках чтоб не было тесно

мы раннее черное пьем молоко мы пьем тебя ночью
 мы пьем тебя в полдень мы пьем властелин из Германии смерть
 мы пьем вечерами мы пьем тебя утром мы пьем и мы пьем

властелин из Германии смерть его глаз голубой
он бьет в тебя пулей свинцовой он бьет в тебя метко
вот в доме живет человек твоя золотая коса Маргарита
на нас он спускает собак и в воздухе дарит могилу
он змей развлекает он видит во сне властелин из Германии смерть
твоя золотая коса Маргарита
как пепел твоя Суламифь

Перевод с немецкого Алексея Цветкова

РОБЕРТ ВАЛЬЗЕР

День пятидесятилетия

Я родился в апреле в одном городке среди прекрасных ландшафтов, и там я ходил в школу; наставники и священники были мной отчасти довольны. Прошли годы, я устроился помощником в банк, потом посетил некоторые города, Базель, Штутгарт и Цюрих. Здесь я свёл знакомство с одной очень милостивой и любезной дамой, которая проживала то в городе, то на природе, так, как ей того желалось, и она обратила моё внимание на Генриха Гейне, которого я, разумеется, только гораздо позже научился ценить по заслугам. Имя той дамы один только я мог бы поведать, но зачем же мне это делать, когда меня так радует собственная деликатность? Служил и по разным конторам, оживлённо менял места работы, целиком из собственных побуждений находил новое место и служил; между тем пописывал в фабричных помещениях стихи, которые потом публиковало издательство Бруно Кассирера с некоторой даже помпезностью. Лет примерно семь я жил в Берлине, усердно строчил прозу, а потом вернулся, когда господа издатели перестали платить мне гонорары, в Швейцарию, страну, которую многие любят за красоту гор, и тут я собирался и дальше неутомимо заниматься писательством. Так или иначе, мне стукнуло пятьдесят годков, о чём напоминают мне пряди седых волосков.

Газета

Размышляя о будущем и здраво взвешивая в уме и преодолевая потери, я смотрел с высоты, стоя на горе, вниз на гладь озера, в котором, женственно выгибаясь, плыли лебеди, словно на празднике чистоты. Красиво раскрашенные лодки скользили по озеру туда-сюда, и горы купались в отражении, окунаясь, как человек в прелести жизни и как встряхивается душа от сладких страданий. Потом, когда из деревьев стал слышен шёпот листвы, я спустился с холма и развернул газету.

Пивная сцена

Один шутиливо толковал с разносчицей.
 Один устало голову подпёр.
 Один бряцал на пианино вдохновенно.
 У одного из горла рвался смех.
 Один во сне был темнотой настигнут.
 Один тугую клавишу заставил петь.
 Однажды девушка-красавица сбежала.
 Однажды глупый спящий вдруг вскочил.
 Однажды пели песню англичане.
 Один блудливый сплетник, дым табачный,
 один проснувшийся, и сон один,
 один усталый пианист-маэстро.

Счастливым

Ушами, ртом, глазами мы наделены,
а у домов есть двери, стены, окна,
но в тупиках и залах жил всё это время
счастливый человек, который
чужие заблужденья нёс в себе,
и это бремя так его давило,
что быть подавленным ему казалось мило.
Он, кроме прочего, гулял однажды
в большом саду и что-то там искал.
Он исполнял какой-то непростой приказ,
едва надеясь, что приказ исполнит.
А на веранде, то есть на террасе
стояли господа, следя за ним,
и дамы также, пышное собрание,
над ними смех шутихами взмывал,
а он, глупейший юноша, в тот день,
наполненный событиями, чашку,
расписанную мастерицей, вдруг разбил,
и тут уж занавес упал. Ему, глупцу,
навечно много важных истин недоступны
остались, и за это свойство
ему завидовали многие – не зря,
наверно. Он носил в себе
всю жизнь чужие заблужденья, и его
тянуло вверх и вниз, он был полезен
и бесполезен, выше всех похвал,
укорами осыпан, расщеплён – и цел.

Забвение

Забывое я позабыл.
Полузабытым я страдаю.
Оно, с любовью возрастая,
гнездится в голове моей,
как беспокойная рука
нашаривает дно корзинки,
а не клубок, который ищет,
и потому уж нелегка.
То, что вполсилы позабыл,
выходит снова из могил.
Живёт прозрачно и стыдливо,
мертво, и снова полуживо.

В лесу

Как прутья прочного забора,
стоят стволы густого бора.
На что бы мы в лесу смотрели,
когда б не худенькие ели?

Проходит день, и ночь грядёт.
Уже темнеет небосвод;
иду в молчании в лес густой,
и ухожу потом домой.

Куда моей судьбы звезда
меня ведёт – как знать, куда?
Но между тонкими стволами
приятно тешиться мечтами.

Письмописец

Если у кого-то есть, скажем, талант
к написанию писем и его письма читаются так,
словно глядишь на череду сменяющих друг друга картин,
то предполагается, что он уж никогда и не перестанет.
Никому не приходит в голову, что однажды
он не найдёт ни внутреннего, ни внешнего повода
и впредь проявлять остроумие и общительность.
Вызывает удивление, когда письмописец
останавливается вместо того, чтобы, подобно ручейку,
продолжать изливаться, журчать и струиться.
От него ждут, что он без устали
будет улаживать, развлекать и преподносить
только самые добротные вещи без примеси усталости.
Но он – тот, кто писал письма
и тем самым развлекал себя и других –
внезапно чувствует, что ему необходимо
находить радость в молчании,
и он действительно её находит
и молчит, в то время как раньше болтал
без остановки, а теперь он для разнообразия
сдержан, сдержанность для него – что-то новое,
она придаёт ему сил к жизни.
Он находит, что ходить по комнате
целый день туда-обратно
доставляет ему неизведанное и изысканное
удовольствие и блаженство,
и он думает, помимо прочего,
о возникновении своего первого письма,
и простота кажется ему чем-то странным;
его интересуют начало, незаконченность,
а получатели писем этого не могут
понять, не в состоянии представить себе,
по какой такой особенной причине
он не продолжает свою разговорчивость...

Новые дороги

Новые дороги,
когда на пороге
я стою, разминая ноги,
и не хочу других дорог,
помимо тех, что день мне приберёт,
вседневных, словно свет дневной,
ведь свет не удержишь, и руками
свет не возьмёшь: как солнце, сами
дороги стелются долой.

Перевод с немецкого Анны Глазовой

НОРБЕРТ ЛАНГЕ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сюзанне

Я же ведь еще такой маленький
Я еще можно сказать совершенно не готов
Я еще совершенно сырой / совсем мокрый
Вот бы ты мне была за папу и маму

Я тянусь корнями аж до самого ада
Я не ангел хоть и есть у меня крылья
Я такой хороший мальчик и при дневном свете
приглядывать за мной одно удовольствие

У меня уже голова в полном порядке
Я еще не выбил ни одного зуба
Я между прочим так хорошо спрятался
что меня никому не найти

Вот бы ты укрыла меня с головой одеялом
и носочки мне на ноги натянула
и за мной во сне присмотрела
и прямо в ад со мной провалилась

Вот бы ты мой сон берегла / хранила
и прямо в ад со мной провалилась

ПОЧТИ ЧТО НЕМОЕ КИНО (ямбом)

По улицам, недвижимым в свете
неоновом, – несется мимо
домов голубоватых, мимо
машин, застывших между ними.

Снежинки падают, ван Годдис,
и вот из-за стекла витрин
взирает Якоб-манекен.
И окна красные блекочут.

МЕСТО ДЛЯ МУСОРА. КИНОПЛЁНКИ

... никто не слышит их – и слышат все...

Гюнтер Айх

Целые полки, взглянуть – и в архив, сантиметр фильма
на монтажном столе, где старик зажат со своей

овчаркой, в виду Альп треплет её по загривку,
взъерошенная шерсть от купания на карьере,

перфорирован первый крупнозернистый поцелуй в 50-х,
лай, и пружины матрасов в 50-х, крупнозернистые,

и для многих, похоже, ворсинки, царапины, дымка
решают судьбу, взглянуть – и в архив, где сырость легко

бежит к основанию спички, прочь от огня,
там, сзади, горит, там будто к глазу приклеен

взгляд, метр за метром, в круглых скрываясь коробках.

Примечания переводчика

Якоб ван Годдис (1887–1942) – немецкий поэт-экспрессионист. «Снежинки падают» – первые слова одного из самых известных его стихотворений, «Tristitia ante ...».

Гюнтер Айх (1907–1972) – один из наиболее значительных поэтов следующего поколения. Строчка эпиграфа взята из его стихотворения, немецкое название которого, «Schuttblage», совпадает с первым словом названия у Ланге (но в стихотворении Айха имеется в виду свалка мусора под открытым небом). Из того же стихотворения Айха переключали в текст Ланге «пружины матрасов».

Перевод с немецкого Дмитрия Кузьмина

ПЕР ВЕСТБЕРГ

Ясные воды мрака

1

Все, кто недавно явился на свет, похожи друг на друга.
Росток душистого горошка – эмбрион со вспученным лбом.
Я – полуфабрикат, прозрачная медуза,
покачивающаяся в море других людей.
Мы плывём среди мощных водорослей
гораздо глубже того слоя, куда ещё проникает дневной свет.

У акушерки – скользкие от вазелина руки.
У непроветренных матрасов – запах, как до Рождества Христова.
Сморщенный ранет и в спичечном коробке – блохи.
Чернослив набухает в кипящей воде.
К полоске света под двойной дверью
приклеились скандалы из семейного альбома, сухие, как клей.

«Бездельник!» «Негодник!» «Не ребёнок, а наказание!»
Трость для прогулок гремит по гравию, шея вздулась от напряжения.
Кто-то ушёл, очертания растаяли в воздухе.
Летняя темь. Искажённая реальность.
Зеркало воды собирается нитями.
Сетка от комаров не спасает от укусов прошлого.

2

Июнь как июнь. Белой смородине ни в жизнь не стать чёрной.
Ломкие кости времени.
Бассейн в жалком состоянии.
Страховка за древоточца не выплачена.
Голос кукушки слышится из большой кастрюли.
Под утончившимся небом мы пьём
сладкий сок перезревших фруктов.
Над слепым оком ватерпаса
плывут тени самоанализа.

Мы зовём полусонных двоюродных сестёр
подразнить и помутузить друг друга. В подвале
хранятся сломанные ветром флаги,
обесценившиеся немецкие марки,
в зеленой коробке – акции торфяного предприятия.
Расшатанные нервы дочерей переворачивают страницу
ещё одного эпизода из семейной хроники.

3

Словно открылась на заложенной странице хорошо знакомая книга,
мне снова видится детство:
кильватер зимы через всё лето,
неистребимая пыль, стук нардовых костяшек,
римские цифры, негнущиеся, как ландскнехты.
Скрипят сырые верёвки качелей, натянутые меж деревьев,
а там великан Полифем,
с выщербленным ртом,
с белыми, как молочная пенка, руками,
с морщинистыми пятками, к которым пристала земля.

В уходящем под потолок буфете – поздравительный адрес,
репортаж о теннисном матче и график месячных,
под безобидной суперобложкой книги о кораблестроении
скрывается роман «Девицы фон Пален».
В коричневой, с золотым тиснением, «Памятке для населения»
я нашел дела о банкротствах, изнасилованиях
и сопутствующих обстоятельствах.

Страсть – это гребни волн в море равнодушия.
Здесь соблюдают дистанцию,
восхищение – под спудом строжайшего этикета.
Тебе дают теплую воду для мытья в эмалированном тазике
и любезно отвечают на письмо.
Пятна на вилке тщательно отчищаются.

Пальцы что-то нащупывают под неровным краем стола.
Когда в середине августа вдруг гремит гром,
шарик от хрустальной люстры падает в супницу.
Надоедливый гость оставляет
неподписанный счёт и отклонённую заявку
на концессию: след пустяшной мелодрамы.

Ходит туда-сюда позолоченный маятник,
вылетающий из отверстия дрозд хлопает бежевыми крыльями.
Свет становится тонким, словно кость у запястья.
Скоро ты будешь никто и нигде.

4

Дальние комнаты, благоухающие прохладой,
путаем мы с временем.
Потерянное нами – вовсе не время,
а комната за комнатой, комната за комнатой.
Мы порхаем по домам,
где когда-то жили,
а названий у них нет.

5

Осень слипается с летом
в прибое кружащей листвы.
Пламя остывает в отблеске зеркала.
Стёкла теплицы снова заилились.
Вокруг наших бесконечных завтраков, одиночных заплывов –
мир, заливающий всё своим свинцом.
На мраморном полу расстелена лисья шкура.
Скрип несмазанных петель. Но не дверных.
Лампочки перегорели.
Светятся только зубы Мадонны.

6

Кроткая, как плотва, опустошённая, как выруб,
она приехала, чтобы вести домашнее хозяйство.
Оттирала ржавые края рукомошника.
Я слонялся без дела.
«Ты и пальцем не пошевелишь,
даже если мать будет умирать у тебя на глазах!»

Никогда не забуду её лицо, напоминающее термита,
она поджимала губы так, словно держала во рту иголки.
«Как бы выглядел мир,
если бы все писали левой рукой?»
Я ждал ответа всю жизнь.
Клочок бумаги, белый и запоздалый,
она подложила под дверь будущего.

7

Мечась между свободой и принуждением,
я тёр голыш в кармане,
чтобы не оставлять отпечатки пальцев.
История была небом внутри черепной коробки,
а мир – таинственным сокровищем.
Я рассматривал его
в ожидании кардинальных перемен.

8

Я видел полы, начищенные дыханием преходящего,
дырку в доске от сучка – глаз хищника, зрачок без белка.
Тени всё ещё хранятся в тёмных тетрадках.
Прокравшись в парадную комнату ночи,
я покопался в дремлющей утвари
и нашел рецепт пустоты:

размешать воду с мукой и сухарями из белого хлеба,
пока не получится посмертная маска родственника.

Дни мои были тогда заполнены мелкими событиями,
но над ними смутно виднелась сеть высокого напряжения,
а под ней – безблагодатные источники внутри тела.
Они стучали, как насосы на давно отключённой насосной станции,
и я старался не дышать, чтобы не чувствовать боли.
Я не знал, что мне делать с чувством, что я это всё не вынесу.
Я хотел уснуть в сгибе локтя у лета
на коже ярчайшего песка.

9

Некоторым людям некуда пойти.
В комнате осталось лишь то,
что не смогли сдвинуть с места.

Детство закатилось, как в тень, в череду событий:
так пламя отражается на тусклом паркете.
Руки нащупывают салфетку или колено,
слова вспоминают то, что забыло тело,
ребёнок сидел там, в углу, узкий, как клюв аиста.
В игре пачизи блестящие взоры движутся по кругу,
от сбитых машинами животных.
Талая вода стекает с нашей жизни
с шумом: так пьют лошади,
которых не видно в сумерках.

10

От войны у меня остались в памяти кафе с затененными окнами
и паром на Засниц, переставший ходить.
Выпученный глаз Муссолини и вонь
на лестнице телеграфа, желтые от никотина пальцы

редактора местной газеты, сжимавшие красную ручку,
покосившийся пюпитр в городском отеле,
промах кием на бильярдном столе и крышка парты,
изрезанная перочинным ножом. И в каждой комнате дома
кто-то плакал, кроме меня.

Я был спокоен, как слон,
а моя рука – тяжелой, как камень.

Помню сине-желтую подкладку школьной фуражки,
колоду карт, пропахшую потными ладонями и вином,
негнущиеся лебединые шеи прожекторов над горизонтом,
натянувшиеся так, что, казалось, вот-вот порвутся,
колючие наверху чёрных чугунных ворот,
сухой тёплый ветер, бедный кислородом,
сливы, шлёпающиеся оземь в вечерней мгле, и молчание,
властное, как отпечатки тяжёлой обуви на снегу.

Помню лёд, коричневый, как ледяной чай.
Мешок с хворостом за дверью и пакеты,
слишком большие для почтового ящика,
русского мальчика-беженца со странным именем Коля
и еврейского портного, бравшего вещи на перешивку, на Дёбельнsgатан,
с блестящими, словно бархат, бровями
и грозящим пальцем на фоне синих обоев;
стены были тонкими, как прожилки на детской коже.
Нас всех занесли в какие-то списки.

Помню противогаз на полке для шляп,
ночные патрули на велосипедах, перемены в школе
и лик будущего, полый внутри.
Продолжение следовало. Последствия продолжались.

11

Греческий алфавит сложился в журавлиный клин.
Я – открытая книга, что разлетается на отдельные листы с чётными

и нечётными страницами. Кто-то почистил ногти моим уголком.
Склей корешок, одень меня в обложку, чтобы всё держалось вместе
и было тем, что может быть мной.
Копирайт принадлежит кому-то другому.

12

Велика власть того, кто что-нибудь описывает словами.
Он отмечает ушедшие под воду острова,
указывает координаты забытого кораблекрушения
и месторождение полевого шпата с пометкой
«разработка прекращена».
Развёрнутых карт вполне достаточно,
чтобы покрыть ими мир.
Но их не хватит, чтобы укрыть его.

Незапланированное заранее
неуклонно стало тем, чем стало.
Рельеф местности заполнен свёрнутыми в рулон воспоминаниями.
Но пока что мы знаем, где находимся,
потому что плутали здесь прежде.
А ещё через мгновение шагнём в историю,
где нас никто не найдёт.

13

В моём пейзаже больше деревьев, чем леса.
Память – это дерево с паданцами под ним.
Взвихренные ветром годы держатся на скрепках для сшивания тетрадей.
Близкое становится видимым только на расстоянии.
Я двигаюсь по кругу, чтобы не дойти до цели.

Ибо кое-что знаю о застывшем грунте мгновения
и тех беспомощных секундах,
что не могут положить предел никакому сну, -
они блестят, словно капельки воды,
стекающие с весла.

Я вижу нечто, созданное
из того, чего нет.
Незримое всё сильнее просачивается сюда.
Капилляры камней дышат.
Тьма сгущается.
Природа случая делает рассказ значимым,
хотя метод в целом остается неисследованным.

Где неизвестность, там и свобода.
Вихрь в душе всё ближе к самому краю.

Перевод с шведского Алексея Прокопьева

Алексей Цветков

Родился в 1947 году в Станиславе (ныне Ивано-Франковск), Украина. Жил в Запорожье, Одессе, Москве, учился на химическом факультете Одесского университета, на факультете журналистики и историческом факультете МГУ. Был участником поэтической группы «Московское время». С 1975 г. в США. Окончил Мичиганский университет, диссертация об Андрее Платонове. Работал на радио «Голос Америки», затем на радио «Свобода» в Мюнхене и Праге. Книги стихов: «Сборник пьес для жизни соло» (Анн Арбор: Ардис, 1978), «Состояние сна» (Анн Арбор: Ардис, 1981), «Эдем» (Анн Арбор: Ардис, 1985), «Стихотворения» (СПб.: Пушкинский фонд, 1996), «Дивно молвить. Стихи» (СПб.: Пушкинский фонд, 2001), «Просто голос» (М.: Независимая газета, 2002), «Шекспир отдыхает. Стихи 2004-2005 гг.» (СПб.: Пушкинский фонд, 2006), «Имена любви» (М.: Новое издательство, 2007), «Ровный ветер. Стихи 2007 года» (М.: Новое издательство, 2008). Публикации в журналах «Континент», «Глагол», «Аполлон 77», «Эхо», «Время и мы», «22», «Третья волна», «Стрелец», «Часть речи», «Знамя», «Воздух», «Октябрь», «РЕЦ», «Новый берег», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Звезда», «Крещатик», «Новое литературное обозрение» и др. Проза, переводы с английского и польского. Лауреат Премии Андрея Белого (2007).

Фото: © Дмитрий Кузьмин

Григорий Дашевский

Родился в 1964 году. Окончил МГУ, преподавал в школе, МГУ, с 1993 г. преподаватель латинского языка в Российском государственном гуманитарном университете. Переводит с английского, французского, немецкого языков филологическую, философскую, художественную литературу. Автор ряда публицистических статей. Книги стихов «Папье-маше» (М.: «Весть», 1989), «Перемена поз» (Лейпциг, 1997), «Генрих и Семен» (М.: Клуб «Проект ОГИ», 2000) «Дума иван-чая» (М.: Новое литературное обозрение, 2001). Публикации в журналах «Огонек», «Знамя», «Окрестности», «Критическая масса», «РЕЦ». Шорт-лист Премии Андрея Белого (2000).

Стихотворение «Ни себя, ни людей...» ранее было опубликовано в журнале «Знамя» (10/2003), «Марсиане в застенках Генштаба...» – в издании «Литературный дневник» (29 октября 2004) и журнале «РЕЦ» (28/2005), «Чужого малютку баюкал...» – в журналах «Критическая масса» (3/2004) и «РЕЦ» (28/2005).

Фото: © Игорь Сид

Ника Скандиака

Родилась в Москве. Выросла в США. Кроме стихотворений, публиковала в Интернете переводы русской поэзии на английский и англоязычной поэзии на русский. Книга стихов «[12.7.2007]» (Москва: Новое литературное обозрение, 2007). Стихи публиковались в альманахе «Вавилон», журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «TextOnly», «РЕЦ», «REFLECT... КУАДУСЕШЦТ», антологиях «Девять измерений» и «Освобожденный Улисс». Шорт-лист премии Андрея Белого (2007).

Илья Кукулин

Родился в 1969 году. Окончил факультет психологии МГУ и аспирантуру филологического факультета РГГУ, кандидат филологических наук (диссертация по творчеству Даниила Хармса). В 2000-2002 гг. обозреватель газеты «Ex Libris НГ», с 2002 г. член редколлегии журнала «Новое литературное обозрение» – редактор отдела «Практика» (современная литература и культура). Главный редактор сетевого литературного журнала TextOnly. Автор многочисленных научных и критических статей, посвященных русскому стихосложению. Редактор и автор предисловия Антологии новейшей русской поэзии «Девять измерений». Первый и единственный лауреат стипендии Академии Российской современной словесности для молодых литераторов (2002).
Фото: © Андрей Черкасов

Андрей Родионов

Родился в 1971 году, жил в Москве и Подмоскowie (город Мытищи). Выступал как лидер музыкальной панк-группы «Братья-короли». Книги стихов «Добро пожаловать в Москву» (СПб.: Красный матрос, 2003), «Пельмени устрицы» (СПб.: Красный матрос, 2004), «Портрет с натуры. Стихотворения» (Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005), «Игрушки для окраин» (М.: Новое литературное обозрение, 2007), «Люди давно устаревших профессий» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Публиковал стихи в журналах и альманахах «Вавилон», «Авторник», «Октябрь», «Новый мир», «Арион». Победитель турнира «Русский слэм» (2002).
Фото: © Дмитрий Кузьмин

Дмитрий Стрoцев

Родился 12.04.1963 в Минске в семье инженеров. Окончил архитектурный факультет Белорусского политехнического института. Работал художником-оформителем, был кооператором, занимался издательским делом. Автор книг: «38: Стихотворения и пьеса» (Минск, 1990); «Виноград: Стихи» (Минск, 1997, 2007); «Лишние сутки: Роман в стихах» (Минск, 1999); «Остров Це. Стихи» (Минск, 2002). Совместный с Е. Фроловой проект «Убогие песни» (2CD+книга стихов) (Санкт-Петербург, 2003). Печатался в журналах «Монолог», «Волга», «Арион», «Воздух», альманахе «Улов», антологии «Освобожденный Улисс» (М.: НЛО, 2004). В конце 80-х – начале 90-х – участник арт-группы «Белорусский Климат». Вместе с «БК» осуществил ряд креативных проектов: поставил спектакли «Монастырь» (Минск, 1989), «Времена Года или Галантные Сцены» (Минск, 1990), разработал концепцию и провел ряд фестивалей «Изустного Кино» (Минск, Копенгаген, СПб, 1988-1994). Участник совместного грузинско-белорусского проекта «Броуновское движение №4» (Тбилиси, 1988). Организатор Международных фестивалей поэзии «Время и Место» (Минск, 1995, 1996). Куратор Фестиваля голосового стиха (Москва, 2005, 2007). Выступает как автор-исполнитель песен и танцев на свои стихи. Руководитель литературно-издательского проекта «Новые Мехи» (Минск), издатель поэтической серии «Минская школа». Член белорусского ПЕН-центра. Лауреат Русской премии 2008. Переведён на иврит, французский и грузинский языки. Живет в Минске.

Петя Птах

Поэт. Пишет на русском и на иврите. Родился в Киеве в 1978 г. В Израиле с 1988 г. Жил в Хайфе, в 1997 г. переехал в Иерусалим, где изучал философию и историю искусств в Еврейском университете. Магистрант и младший преподаватель кафедры философии Тель-Авивского университета. Живёт в Тель-Авиве. Постоянный автор журнала «Солнечное сплетение», в редколлегии которого состоял с 1998 по 2001 г. Публиковался также в журналах «Двоеточие», «Стетоскоп», «Магазинник» и «Воздух», альманахе «Симург», антологии «Освобожденный Улисс».

Владимир Богомяков

Владимир Богомяков живёт в Сибири, но объехал много городов и стран. Работал на многих работах, но больше всего ему понравилось работать в геологоразведочных партиях. Сейчас работает в Тюменском университете. Написал много стихов и безумный роман, который никто не хочет печатать. Книги стихов «Книга грусти русско-азиатских песен Владимира Богомякова. Стихи» (М.: Guzelizdat. 1992), «Песни и танцы онтологического пигмея Владимира Богомякова» (М.; Тюмень: ЗАО Издат. дом Парад, 2003), «Новые Западно-сибирские песни» (М.: Ракета, 2007).

Валерий Нугатов

Валерий Нугатов (р. 1972) – поэт, переводчик и арт-хулиган. Книги стихов: «fAKE» (2009), «Фриланс» (2006), «Недобрая муза» (2000). Организатор ктулхуистского поэтического фестиваля (2006) и поэтической оргии «В постели с Нугатовым» (2007). Адепт каннибализма.

Александр Дельфинов

Поэт, журналист, текстовик. Родился в 1971 году в Москве. Изучал славистику и германистику: истфил РГГУ (Москва), Рурский университет (Бохум), Венский университет, Университет имени Гумбольдта (Берлин). С 1996 года сотрудничал с различными СМИ – среди прочего, «Птюч», Playboy, «Коммерсант-Власть», «Эксперт», Deutsche Welle, BBC. В России изданы DIY-поэтический сборник «Веселые нечеловечки» (Москва, 2000), книга стихотворений «Анестезия 2084» (Москва, «Мама-пресс», 2002). Стихи и поэтические переводы изредка публиковались в журналах Urbi (Нижний Новгород), «Новая Юность» (Москва), «Арион» (Москва), «Н.Л.О» (Москва) и некоторых других. Рассказы и арт-тексты публиковались в интернете на сайтах «Топос», TextOnly, 007-berlin и некоторых других. С 2001 года место основного проживания — Берлин, Германия. С 2004 года участвовал в многочисленных поэтри-слэмах на немецком языке. В 2007 году – победитель Die Internationale SLAM!Revue на Международном берлинском литературном фестивале. Соорганизатор и модератор русскоязычных поэтри-слэмов в Берлине (в рамках проекта «HochKult(!)Ura»), поэтических перформансов и независимых культурных программ.

Павел Жагун

саунд-артист, художник. родился в 1954 году. живёт в Москве. участник электро-авангардного проекта F.R.U.I.T.S. куратор арт-галереи. публикации в журналах: «Йизык», «Воздух», «Другой Берег», «Новая Камера Хранения», книга стихотворений «Радиолярии», М: Водолей Publishers, 2007. книга стихотворений: IN4. С-Пб: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. книга стихотворений: «Алая буква скорости». С-Пб; Изд-во Пушкинского фонда, 2009.

Александр Журов

Родился 26 января 1987 года в городе Железногорске Курской области. Живет в Москве, учится в Литературном институте им. Горького – на семинаре художественной критики. Публикаций стихов нет.

Алексей Порвин

Родился в 1982 году в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Волга», «Нева», в сетевом литературном журнале «TextOnly». Постоянный автор сайта «Новая Камера Хранения» (http://newkamera.de/porvin/porvin_.html). Живет в Санкт-Петербурге.

Евгения Сулова

Публикации в журналах «TextOnly», «Новый берег», в Интернете. Лауреат фестиваля «Молодой литератор» (Нижний Новгород, 2007). Шорт-лист премии «Литературрентген» (2007).

Тимофей Дунченко

Родился в 1982 году в Твери, сейчас живет в Петербурге. Ранние тексты публиковались под псевдонимом в журналах «Нева», «Звезда». Лонг-лист премии Дебют (2006). Книга стихов «Капканы дивной красоты» (М.: АРГО-РИСК, 2007).

Пауль Целан

Настоящее имя – Пауль Лео Анчель. Родился в 1920 году в Черновицах в еврейской семье. В 1938 году поступил в Медицинскую школу г. Тура (Франция. После начала Второй мировой войны остается в Черновицах, при румынско-немецкой оккупации в 1941 году попадает в гетто, затем в трудовой лагерь Табарешты. В 1944 году возвращается в Черновицы, затем переезжает в Бухарест, поступает на работу в издательство «Русская книга», переводит на румынский язык прозу Лермонтова, Тургенева и Чехова, пьесу К. Симонова «Русский вопрос». В 1947 году – первая публикация стихов на немецком языке в бухарестском альманахе современной поэзии «Агора» (под псевдонимом Целан, Celan - анаграмма румынского Ancel). В том же году уезжает в Вену, затем в Париж. В 1948 году в Вене выходит первый сборник стихов «Песок из урн». В 1949 году поступает на немецкое отделение в Сорбонну. По просьбе тяжелобольного поэта и драматурга Ивана Голля переводит его французские стихи на немецкий. В эти и последующие годы переводит

на немецкий Кокто, Аполлинера, Чорана, Пикассо, Пессоа, «Пьяный корабль» Рембо, «Двенадцать» Блока, Мандельштама, Малларме, Шара, Есенина, Эмили Дикинсон и др. С 1959 года преподает немецкий язык и литературу в парижской «Эколь нормаль». В 1970 году покончил с собой. Книги стихов «Мак и память» (1952), «Решетки речи» (1959), «Роза – Никому» (1963), «Кристалл дыхания» с гравюрами Жизель Лестранж (1965), «Поворот дыхания» (1967), «Нити солнц» (1968), «Избранные стихотворения» (1968), «Черный мыт» с гравюрами Жизель Лестранж (1969), «Давление света» (1970), «Удел снега» (1971), «Подворье времени» (1976). Премии: литературная премия Конфедерации немецких промышленников (1956), литературная премия города Бремен (1958), премия Немецкой академии языка и литературы (премия Бюхнера) (1962) (на церемонии Целан произносит речь «Меридиан»), большая художественная премия земли Северный Рейн-Вестфалия (1964).

(По материалам статьи Б. Дубина <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/4/ce11.html>)

Роберт Вальзер

Родился в Биле (Швейцария) в 1878 году. В 1905 году Вальзер переезжает в Берлин, устраивается работать помощником инженера, затем мелким клерком в банке, потом берёт курсы в школе слуг, и одновременно пишет романы «Помощник», «Якоб фон Гунтен» и «Семья Таннер». Эти романы публикует в своём издательстве Бруно Кассирер. Романы не распродаются, хоть и привлекают внимание критики и писателей. В 1913 году Вальзер возвращается в Швейцарию, живёт сначала в Биле, потом в Берне. Он продолжает писать прозу, преимущественно рассказы. Ещё до возвращения в Швейцарию у Вальзера начинается то, что он называет «писчей судорогой», которая не даёт ему работать. В попытке преодолеть судорогу он переходит на карандаш и разрабатывает собственный способ письма, микрограммы. После его смерти исследователи сначала сочли их особым кодом. Микрограммами записано большинство поздних рассказов и роман «Разбойник». В 1929 году Вальзера начинают мучить приступы беспокойства и слуховые галлюцинации. Его сестра Лиза настаивает на госпитализации. Вальзер оказывается сперва в одной санатории, затем в другой, где и проводит остаток жизни. Он умирает в канун рождества 1956 года от сердечного приступа во время прогулки в снегу.

Анна Глазова

Исследователь немецкой литературы, поэт, переводчик. Книги стихов «Пусть и вода» (Москва: Проект ОГИ, 2003), «Петля невполовину» (Москва: Новое литературное обозрение, 2008; шорт-лист премии Андрея Белого); стихи публиковались в журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «Черновик», «РЕЦ», антологиях «Девять измерений», «Освобожденный Улисс», а также в Интернете. Переводы с немецкого: стихи (П. Целан, Э. Яндль, Ф. Майрёкер); рассказы и роман «Разбойник» Роберта Вальзера, сборник прозы Уники Цюрн «Темная весна» (книги в издательстве «Колонна»). Шорт-лист премии Андрея Белого (2003, 2008).

Норберт Ланге (Norbert Lange)

Родился в 1978 г. в Гдыне, изучал философию, литературу, историю искусств в Берлине и Лейпциге. Публиковался в периодике, выпустил книгу стихов «Rauhfaser» (Muenchen: Lyrikedition 2000, 2005; название можно приблизительно перевести как ««Грубые фактуры»»). Автор либретто к опере Б.Швейцера «Сведения о Бартлби».

Страница в Интернете: <http://www.poetenladen.de/norbert-lange.htm>

Дмитрий Кузьмин

Окончил Московский государственный педагогический университет. Кандидат филологических наук. Главный редактор издательства «АРГО-РИСК», основатель Союза молодых литераторов «Вавилон», главный редактор журнала «Воздух», куратор многих литературных проектов. Автор переводов поэзии и прозы с английского, французского и др. Книга стихов «Хорошо быть живым» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Лауреат Премии Андрея Белого (2002) в номинации «За заслуги перед литературой».

Пер Вестберг (Per Wästberg)

Родился 20 ноября 1933 г. Шведский писатель, публицист и литературный критик. В 1997 г. избран пожизненно в члены Шведской академии. С 1998 г. – член, а с декабря 2004 г. – председатель Нобелевского комитета, который присуждает Нобелевские премии по литературе. Бакалавр искусств (Bachelor of Arts) Гарвардского университета (США, 1955), лицензиат философии Упсальского университета по специальности «литература стран Африки» (Швеция, 1962); главный редактор и зав. отделом культуры крупнейшей газеты Швеции «Дагенс Нюхетер» (1976-1982), автор более 50 книг, лауреат нескольких крупных литературных премий Швеции. Член правления и председатель многих шведских и международных фондов и организаций, в частности, международного ПЕН-клуба, Хартии-77 и др.

Алексей Прокопьев

Родился в 1957 г. в г. Чебоксары (Чувашия). Поэт, переводчик. В 1981 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (отделение истории искусства). Двенадцать лет работал ночным сторожем. Вёл семинар переводчиков на кафедре художественного перевода Литературного института им. М. Горького (1996-2002). Преподаёт немецкий язык. Член Союза писателей Москвы. Член Гильдии «Мастера литературного перевода». Автор поэтических сборников Ночной Сторож (М.: 1991); День Един (М.: 1995) и Снежная Троя (М.: 2003). Переводы с немецкого, английского, шведского, итальянского и чувашского языков. Живёт и работает в Москве.

В числе источников биографических сведений и фотографий – сайты www.litkarta.ru, www.vavilon.ru, www.polutona.ru